

ЕКАТЕРИНА
БАРСОВА

ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО

• ПРОКЛЯТИЕ •
ТИТАНИКА

Екатерина Барсова
Проклятие Титаника
Серия «Великие тайны прошлого»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22026138

Проклятие Титаника: Издательство «Э»; М.; 2016

ISBN 978-5-699-86686-1

Аннотация

В 1912 году потерпел крушение и затонул в холодных водах Атлантического океана знаменитый лайнер «Титаник». Ровно через сто лет в Средиземном море пошел на дно еще один лайнер, и многие тогда заговорили о «проклятии Титаника»...

Ульяна Павлова приехала в Италию, в Рим, вместе со своим женихом, журналистом Дмитрием Дроновым. Неожиданно в одном из римских кафе Дмитрий заметил красивую девушку, подошел к ее столику и вскоре... исчез вместе с ней, оставив Ульяну одну! Прошло несколько дней, их путевка подошла к концу, но Дмитрий так и не объявился. Не зная, что и думать, Ульяна решила заглянуть в ноутбук жениха и узнала: он ведет журналистское расследование. Оно касается исчезновения одного из пассажиров на борту круизного лайнера «Астория», недавно потерпевшего катастрофу у берегов Италии...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	42
Глава 3	74
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Екатерина Барсова

Проклятие Титаника

© Барсова Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Сквозь время

Посмотрите подольше на море, когда оно капризничает или бушует, посмотрите, каким оно бывает прекрасным и уютным, и у вас будут все истории, какие только захотите. О любви и опасностях, обо всем, что жизнь может принести в вашу сеть. А то, что порой не ваша рука управляет штурвалом и вам остается только верить, так это хорошо.

Джоджо Мойес. «Серебристая бухта»

Все было как обычно, и тем не менее он почувствовал странное беспокойство. Это беспокойство не исчезало, и он не знал, что с ним делать.

Капитан «Титаника» Эдвард Джон Смит был опытным моряком и знал, что поддаваться панике на море – последнее дело. Капитан должен внушать чувство уверенности, спокойствие, потому что в его руках не только корабль, в его руках судьбы людей, вверенные ему на время. Но сам себе он

не хотел признаваться, что с утра его мучает головная боль и боль эта не проходит. Он был несусеверным человеком, но почему-то ему хотелось поскорее закончить этот рейс, несмотря на то что он обещал быть самым громким и знаменитым за всю историю мореплавания. «Титаник» подавлял своим великолепием, ошеломлял тем, что он, казалось, бросает вызов океану, дерзкой стихии. На нем было все, что можно только пожелать – никогда еще людям не предлагалось путешествовать с таким комфортом и в такой роскоши.

Корабль был непотопляемым, капитан слышал это со всех сторон, что настораживало. Здесь крылся какой-то подвох. Какая-то неправильность. В море нельзя быть ни в чем уверенным. Это стихия, неподвластная людям.

Но рейс закончится через несколько дней, и если он постарается, то получит «Голубую ленту Атлантики» – приз за быстрое судоходство. И плаванье на «Титанике» останется позади, станет еще одной вехой в его биографии, о которой Смит станет вспоминать, когда выйдет на пенсию. Он был самым известным капитаном в Северной Атлантике. Триумфальное плаванье на «Титанике» должно было завершить его карьеру и стать последним рейсом.

На корабле был один груз, о котором он старался не думать. Мумия в деревянном ящике около капитанского мостика. Сначала он не понял, в чем дело, а потом ему объяснили, что ее нельзя везти в трюме, как обычный груз. Она слишком ценная. Капитан поморщился, но сделал так, как

его просили. Он был обязан выполнять пожелания пассажиров «Титаника». На судне плыли самые богатые и знаменитые люди мира, чье слово являлось законом, и он должен был делать то, о чем его попросят.

Смит старался не думать о том, *что* находится в ящике, ведь когда он думал об этом, на него нападало странное ощущение, а перед глазами возникал легкий туман.

14 апреля в девять часов вечера, стоя на капитанском мостике, Смит обсудил со вторым помощником погоду. Сильно похолодало. Радиограммы передавали о скоплении льдов на их пути. Ситуация была рискованной, но корабль казался надежным, а риск – постоянный спутник моряков. Капитан хотел поскорее уйти в каюту и забыться сном. Никогда у него не было рейса, когда бы его так мучили головные боли и внезапно нападала слабость, которую он был вынужден от всех скрывать.

В этот день слабость появилась с самого утра. Как во сне он смотрел на телеграммы, предупреждавшие о льдах. Нужно было снизить скорость, но все внутри противилось этому. Он не узнавал сам себя...

Он уснул... И во время сна перенесся на мостик. И с ужасом почувствовал дрожь и вибрацию, исходящую от ящика. Он понял, что сейчас произойдет нечто ужасное, хотел крикнуть, проснуться, предупредить вахтенного, но не мог. Он видел безлунное небо с яркими звездами, темную маслянистую воду, айсберг, выросший на пути корабля внезап-

но, словно ниоткуда, который шел прямо на корабль... Язык Смита был скован, он зашелся в немом крике, и вскоре резкий толчок сотряс лайнер.

Он открыл глаза: «Какой ужасный сон».

Но ему требовалось подтверждение, что весь этот кошмар – всего лишь сон.

Капитан быстро выбежал из каюты на мостик.

– Что это было?

И услышал в ответ:

– Айсберг, сэр.

Глава 1

Начало легенды

Вездесущее, грозное и колдовское море растворяло в себе муки, жгучие желания, душевные связи, ненависть и надежду, все это отдалялось, казалось лишённым смысла, поскольку в море человек становится эгоистом и поглощён лишь самим собой. И кое-что невыносимое на суше – мысли, разлуки, утраты – в море перенести можно. Артуро Перес-Реверте. «Карта небесной сферы, или Тайный меридиан»

Из дневника Элионор Мэй

1912 год

Скоро я отправлюсь в большое путешествие. Первое в моей жизни. Моя няня Мэгги говорит, что я должна не волноваться, а радоваться, ведь если бы на семейном совете не было решено, что я должна повидать мир – я бы так и осталась дома.

Нельзя сказать, что я не любила наш городок и наш дом.

Все было привычным и знакомым. Тихий город на севере Англии – покатые холмы, древнее аббатство, река, разделяющая город на две половины, наш дом – большой, красивый – мир, в котором я росла с самого раннего детства.

Но океан... Это всегда наполняло меня странным ожиданием чего-то. Может быть, чуда? Перед моим отъездом мама всплакнула, она не хотела отпускать меня, но отец сурово нахмурил брови и сказал, что это лишнее, я уже взрослая, и меня можно отпустить одну.

– Но она же едет не совсем одна, – возразила мама. – Там будет кузина Бетти. – При этих словах лица у всех вытянулись, как будто они услышали что-то непристойное. Краем уха я слышала про свою кузину, но обычно разговоры о ней шли вполголоса и без продолжения – как только меня обнаруживали поблизости, разговор обрывался. Однажды я подошла к двери, но, услышав голоса родителей, затаилась и стала невольной свидетельницей разговора, происходившего между ними.

– Она сошла с ума! – сердито говорил отец. – И просит уж совсем большую сумму. Мы не так богаты, как она думает, и не можем ей помочь. Пора бы ей научиться жить самой, а не рассчитывать на других.

– Она старается, – виновато сказала мама, – но у нее не всегда получается. Ты же знаешь, после той истории... Рэндольф... – просительно молвила она.

Наступила пауза, потом я услышала бесконечно усталое,

как будто из отца выжали все силы:

– Хорошо. Я сделаю, как ты просишь, Энн...

Потом раздался звук поцелуя, и я, отпрянув от двери, быстрыми шагами направилась в противоположную сторону.

Имя кухни Бетти всегда было окружено в нашей семье некой тайной. Мама никогда о ней не говорила, а я согласно старой семейной традиции – не спрашивала. Кухня Бетти жила в Париже, давно покинув нашу нежную Англию, изредка отправляя нам письма и открытки. Мама их не читала, а сразу складывала в красивую шкатулку из розового дерева, которую закрывала на ключик. Пару раз я видела, как она доставала письмо и плакала, читая его. Меня к шкатулке не допускали, хотя она стояла в маминой спальне на видном месте, но ключ мама всегда носила с собой.

Однажды она вышла из спальни, ее срочно позвали. Я пробралась туда и стояла около трюмо, вдыхая сладкий аромат духов. Шкатулка была приоткрыта, я оглянулась: мамини шаги удалялись от двери. Я решила в один момент. Быстро открыла шкатулку и, сунув наугад туда руку, достала открытку. Она слабо пахла сладким обворожительным запахом... На ней была изображена красивая темноволосая молодая женщина с розой в руке и в обрамлении гирлянды цветов. Она стояла вполоборота и улыбалась. А за ней была парижская улица и высилась Эйфелева башня.

Раздались легкие шаги, и я, сама не зная почему, сунула эту открытку в рукав и отскочила от трюмо.

Мама вошла сияющая, с улыбкой на лице.

– Ты здесь? – спросила она.

– Да, я искала тебя и поэтому зашла в спальню.

Потом долгими вечерами перед сном я смотрела на эту открытку и любовалась женщиной и кусочком Парижа. Все это было внове, мучительно-сладко, таинственно. Огромный мир существовал за окном моего дома, а я пока была всего лишь зритель, но не участник событий в нем. Но события ждали меня, ждали, когда я вырасту...

Порой мне казалось, что время течет преступно медленно... И я никогда не повзростею, не вступлю в другой, не похожий на наш мир.

И когда мама за вечерним чаем сказала, что мы с ней поедem на «Титанике» в путешествие, я невероятно обрадовалась. Да что там, я была уверена, что ослышалась. Но когда она повторила: да-да, дорогая, мы плывем на «Титанике», я едва усидела за столом, а потом, когда чаепитие закончилось, выбежала в сад и стала рассказывать о своей поездке нашему рыжему сеттеру Чарли. Собака слушала меня внимательно, наклоня морду то в одну, то в другую сторону, а я присела и зарылась лицом в ее шерсть. Ах, Чарли, прошептала я, как я счастлива, ты даже не представляешь, моя рыжая родная собачица.

Перед сном я, как обычно, достала открытку и долго смотрела на нее.

Иногда я разговаривала с этой дамой, «кузиной Бетти»,

иногда просто смотрела на ее лицо и мечтала о Париже, о путешествиях, о том, что, возможно, когда-нибудь я объеду весь мир.

Иногда мне казалось, что она в любой момент может сойти с этой открытки и заговорить со мной.

В тот вечер, когда я узнала о поездке, я долго не спала, словно грезила наяву, в ушах звучала музыка, Я представляла, что уже плыву на этом пароходе, люблюсь морем, закатами, рассветами...

Время перед отъездом пролетело быстро, но буквально накануне выяснилось, что мама не сможет поехать со мной. Смущаясь, она сказала, что скоро у меня будет братик или сестричка. И поэтому она вынуждена остаться дома, путешествие для нее – слишком рискованное предприятие. Я поняла, что она была не прочь поехать, но отец протестовал, и ей пришлось подчиниться ему. Со мной поедет наша дальняя родственница, старая тетушка Флосси. Эту тетушку я видела всего два или три раза в жизни, она носила старомодные одежды и выглядела крайне уныло, но меня согревала мысль, что со мной будет кухня Бетти. Да-да! Она должна присоединиться к нам в Шербуре во Франции, где мы остановимся, прежде чем выйдем в Атлантический океан. Я была рада наконец-то увидеть свою родственницу и познакомиться с ней.

За день до отплытия мы переночевали в Лондоне, а оттуда поехали в Саутгемптон.

Настроение у меня было чудесное. Я вертела головой в разные стороны, несмотря на замечания матери, которая все время с мягкой улыбкой призывала меня не отвлекаться, а сосредоточиться перед отплытием. Мне все хотелось запомнить, запечатлеть в памяти, подспудно я чувствовала, что день, когда я ступлю на борт «Титаника», будет одним из самых замечательных в моей жизни.

И вот мы уже подходим к кораблю... Когда я его увидела, чуть не лишилась дара речи: таким огромным и величественным он был. Из его труб поднимались клубы дыма. Родители взошли на палубу вместе со мной и Флосси. Мама была ошеломлена открывшимся великолепием и даже не пыталась скрыть своего потрясения. В ее взгляде, обращенном к отцу, читался скрытый упрек. Было видно, что она очень хочет отправиться в это путешествие, но, как я уже говорила, отец отговорил ее под предлогом заботы о здоровье будущего малыша. Всюду царило оживление, слышались веселые голоса. Мы подошли к шикарной широкой лестнице, в верхнюю часть которой были встроены большие часы с бронзовыми фигурами. А над лестницей возвышался огромный стеклянный купол.

– Ах, Элли! Как все красиво! – прошептала мама, склоняясь ко мне, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы. – Как бы я хотела... – И она замолчала.

Мы прошли в читальный зал, а потом в зимний сад, миновали холл...

Мы старались все рассмотреть, запомнить...

Нас потряс ресторан в стиле Людовика XVI: большие оконные ниши, задернутые шелковыми шторами, стены, отделанные под светлый орех. А рядом – кафе «Паризьен» – по-летнему легкое и изящное: вьющиеся растения и плетеные стулья вокруг столиков.

– Мне это напоминает Париж, – прошептала мать.

Один-единственный раз моя мама с семьей, еще до замужества, была в Париже, и та поездка оставила в ее душе неизгладимый след на всю жизнь. Хотя она не любила вспоминать о том путешествии, но когда хотела подчеркнуть значимость момента, говорила: «Мне это напоминает Париж!»

Восхищение вызвал бассейн и комплекс турецких бань. Потом маме почему-то стало плохо. Она остановилась и, виновато улыбаясь, сказала: «Кажется, прихватило сердце».

– Что с тобой, дорогая? – наклонился к ней отец. Он бросил сердитый взгляд на меня, как будто я была виновата в мамином недуге. – Я же говорил тебе: останься дома, я и один смогу проводить Элли. Ты сама вызвалась...

– Да-да. – Мама по-прежнему виновато улыбалась, словно она испортила детям праздник, который они давно с нетерпением ожидали. – Но мне очень хотелось все осмотреть самой, увидеть, на чем будет путешествовать моя маленькая Элли!

Они решили вернуться на берег. Мама тяжело дышала, над верхней губой и на лбу у нее выступили бисеринки пота.

Мы тоже решили постоять на берегу рядом с ними. Мимо нас проходили пассажиры третьего класса.

– Надеюсь, здесь приняты санитарные меры, – прогнусавила Флосси.

– Рэндольф, как ты думаешь, с этим все в порядке? – Мать с беспокойством посмотрела на отца.

– Я навел справки, все пассажиры пройдут медицинский осмотр, так что за Элионор не волнуйся.

Я невольно взглянула на Флосси. Даже ее невозмутимое лошадиное лицо выражало скрытый восторг: очевидно, «Титаник» никого не мог оставить равнодушным.

Когда наступило время прощания, я обхватила маму руками. А она, обычно такая сдержанная, вдруг тоже крепко прижала меня к себе.

– Будь умницей, Элионор, – шепнула она. – И слушайся, пожалуйста, Флосси.

Стыдно сказать, но я не сильно переживала из-за грядущей разлуки с матерью, настолько предстоящее путешествие захватило меня. Мне не терпелось отправиться в путь.

Раздался удар сигнального колокола, и далеко разнеслось эхо судового гудка. Это был знак, что «Титаник» выходит в плаванье.

Мы прошли в каюту. Я разобрала свои вещи, под подушку положила фотографию Бетти.

– Я такая счастливая, – пробормотала я.

На другой день праздник продолжался. Иногда я останавливалась и щипала себя за руку, чтобы убедиться: все вокруг меня не сон, а действительность, которая похожа на волшебную сказку.

Мне хотелось все осмотреть, побывать в каждом уголке «Титаника», но Флосси была начеку. Она пожаловалась на мигрень и под этим предлогом после завтрака лежала в каюте, крепко-накрепко запретив мне покидать пределы нашей плавучей комнаты, как называла каюту Флосси. Я сидела и смотрела в окно, где волна бежала за кораблем, и думала, что, вместо того чтобы бродить по палубам, я сижу здесь и смотрю на Флосси. Когда она уснула, я выскользнула из каюты и пошла по коридору. Я очутилась на палубе, где побродила какое-то время среди толпы, потом снова спустилась вниз, но попала в другую часть корабля. Короче, я заблудилась, но звать кого-то на помощь не хотела. Потом я вообще свернула непонятно куда и в отчаянье остановилась.

И здесь на меня налетела Флосси в сопровождении симпатичного мужчины.

– Томас Эндрюс, – представился он. – Ваша тетя очень беспокоится о вас, разве можно молодой леди покидать каюту без разрешения, корабль очень большой, и тут можно легко заплутать, переходя из одной части в другую.

– А откуда вы это знаете? – спросила я.

Он улыбнулся.

– Я главный конструктор этого корабля. Он вам нравится?

Я смущенно кивнула. Флосси же рассыпалась в благодарностях.

До каюты она шла молча, крепко держа меня за руку, словно я могла в любой момент ускользнуть от нее.

Когда же мы оказались в каюте, она ледяным тоном запретила мне куда-либо ходить без ее сопровождения. Она, мол, отвечает за меня перед моими родителями.

Я расплакалась, так мне стало обидно. Обидно по-настоящему. В то время, как все гуляют по «Титанику», я должна сидеть в каюте рядом с Флосси, которая портит мне все путешествие своими нотациями и наставлениями.

Во второй половине дня корабль прошел залив Ла-Манш. Дул легкий ветерок, море было спокойным, я с нетерпением ждала, когда мы причалим в Шербуре, где к нам присоединится кухня Бетти. Вот показались побережье Франции и маяк на мысе Аг. Мы с Флосси стояли на палубе, и я считала про себя минуты, крепко сжав кулаки. Хотелось, чтобы мы поскорее причалили. Иногда меня прошибал холодный пот: в воображении рисовалось, что кухня Бетти опоздала или вообще не приехала, ее планы изменились, и она решила остаться во Франции, а не плыть на «Титанике». Но вот корабль замедлил ход, остановился, покачиваясь на волнах, к нему подошли два судна, и появились первые новые пассажиры.

Я смотрела во все глаза и все-таки проморгала момент, когда появилась Бетти. Она возникла позади нас и окликну-

ла:

– Элионор!

Я резко обернулась. Передо мной стояла сияющая дама лет тридцати. Необыкновенно красивая. Особенно красила ее улыбка. Когда она улыбалась, казалось, что вокруг разливается сиянье, улыбка порхала по ее лицу подобно солнечному лучу и освещала все вокруг.

Бетти протянула ко мне руки для объятий, и я осторожно приблизилась к ней.

– Кузи... Бетти! – Я покраснела. Я не знала, как правильно обращаться к ней. «Кузина Бетти» – это же ее домашнее прозвище.

– Беттина, – прошипела Флосси. – Мадемуазель Беттина.

– Ох, Флоренс, к чему эти церемонии, – с досадой сказала кузина. – Зови меня просто Бетти.

Она заключила меня в свои объятия и поцеловала в щечку. От нее пахло тонкими духами.

– Какая ты большая, – молвила она с легкой грустью. – Как летит время.

– Мне уже четырнадцать лет.

– Элионор, Беттина, наверно, хочет отдохнуть с дороги, а ты ее задерживаешь, – пробурчала Флосси.

– Ничуть, пойдем со мной. Я переоденусь, а потом мы пойдем на палубу. Да, Флоренс? – полувопросительно-полуутвердительно обратилась она к Флосси.

Та нахмурилась, но кивнула в знак согласия.

Мы пошли, нет, побежали вместе по палубе, а потом вниз – по лестнице. Кузина Бетти, я не могла ее называть про себя иначе, так прочно это имя приклеилось к ней, ходила легко и стремительно, я едва поспевала за ней. Обычно я ходила степенным шагом, мама меня учила, что леди должна обладать приличными манерами и никуда не торопиться. Сначала я старалась идти медленно, потом все быстрее, и затем мы чуть не побежали наперегонки. Я всегда до самой смерти помнила тот вдохновенный полет. Бетти обернулась ко мне и расхохоталась, потом взяла меня за руку, и мы как школьницы-подружки весело помчались вперед. Мы чуть не сшибли с ног какого-то пожилого усатого господина. Тот остановился, крякнул в усы и обернулся посмотреть на красивую стремительную Бетти.

Мы влетели в каюту, и тут Бетти принялась хохотать и тормозить меня.

– Ты видела, как этот тип на нас посмотрел. С усами, важный, как морж... – И она так смешно передразнила встреченного нами господина, что, глядя на нее, я тоже принялась смеяться.

Смех Бетти внезапно оборвался.

– Ах, Элионор. – Она протянула вперед руки. – Как я рада, что наконец увиделась с тобой, ты даже не представляешь. Мне Энн писала о тебе почти в каждом письме, так что о твоей жизни я имею представление. Хотя и очень смутное.

Она замолчала, как будто увидела нечто, чего не могла ви-

деть я. Ее взгляд затуманился, и мне стало как-то неуютно.

– Кузина Беттина!

– Что это еще за «кузина Беттина», – сердито одернула она меня. – Бетти, и все. Никаких «тетя» и «кузин». Ладно, не будем грустить. Ни к чему это. Впереди у нас много радостных дней. Так что будем веселиться. Мой багаж уже здесь. И я тебе сейчас покажу много интересного.

Кузина Бетти доставала разные чудеса: китайский веер, зеркальце с перламутровой ручкой, шкатулку с драгоценностями.

Мне все нравилось, я трогала вещи и вертела их в руках.

Наконец, Бетти села к столику с зеркалом и разложила свою женскую артиллерию. Духи, пудру, губную помаду... Мне все было в новинку. Духи пахли так сладко и нежно, как та открытка, что лежала у меня под подушкой.

Я набралась храбрости.

– Так же пахнет открытка, которую вы прислали моей маме. Я взяла ее себе.

Бетти стремительно обернулась ко мне:

– Ты лазила в ящик с письмами, маленькая шалунья?

Я покраснела.

– Нет. Только один раз. И взяла оттуда открытку. Она здесь, на корабле, я как-нибудь покажу ее вам.

Мне показалось, что кузина Бетти вздохнула с облегчением.

– Значит, ты не читала письма? Маленьким девочкам не

полагается читать переписку взрослых. Там может быть много непонятного...

Так состоялось мое знакомство с кузиной Бетти. Я буквально дневала и ночевала у нее в каюте. С ней было по-настоящему весело. Она умела быстро знакомиться с людьми и становиться душой любой компании. Вместе с ней мы облазили почти весь корабль, совершая вылазки в разные его части. Кузина особенно полюбила французский ресторанчик, где мы часто заказывали себе еду. Попутно она рассказывала мне о Париже, о своей жизни и парижанах забавные истории.

На корабле плыли важные лица. Мультимиллионеры Джон Джекоб Астор и Бенджамин Гуггенхайм, вице-президент железной дороги штата Пенсильвания Джон Тэйер, журналист и общественный деятель Уильям Стед, американский писатель, полковник Арчибальд Грейси, военный помощник президента США Арчибальд Батт и другие. С некоторыми из них Бетти познакомилась и вела себя так, словно она всю жизнь вращалась в этих кругах. Пару раз мы столкнулись с высоким мрачным человеком. Он пристально посмотрел на Бетти, а потом отвел взгляд.

– Кто это? – шепнула я, когда мы уже отошли.

– Лорд Кентервиль, – также шепотом ответила мне Бетти, хотя он уже не мог вас слышать. – Важный человек. Говорят, что он перевозит мумию.

– Мумию, – остановилась я, широко открыв глаза. – Здесь у нас на корабле мумия?

– Да. Он везет ее в Нью-Йорк. Мне сказали, что это древняя жрица. – Бетти испуганно повела плечами. – Как подумаю об этом, мне сразу становится не по себе. Они такие мстительные, иногда даже способны посылать проклятья через века. Лучше бы их не тревожить.

– Ох, – схватила я Бетти за руку. Меня трясла дрожь.

– Прости, я тебя напугала, – быстро сказала Бетти. – Выкинь все это из головы, так, обычные сказки. Не думай об этом, прошу тебя. Договорились, ты мне обещаешь? – И она крепко прижала меня к себе. Я кивнула. Но в ту ночь мне снилась прекрасная молодая женщина с черными волосами, которую убивали, а она протягивала ко мне руки и говорила странные слова.

Я закричала и проснулась.

– Не нужно бегать по кораблю, – проворчала Флосси, просыпаясь от моего крика. – А то всякие ужасы снятся.

Кузина Бетти нравилась мужчинам. Я видела это по тем взглядам, которые они бросали на нее, они чаще и охотней смеялись в ее присутствии, чем при других женщинах. И они обволакивали кузину Бетти вниманием, в которое она куталась как в дорогую персидскую шаль. Но одного человека она побаивалась, пару раз я перехватила ее взгляд, устремленный на него. Это был молодой щеголь Альфред Сислей. Он смотрел на Бетти, как на вещь – сверху вниз, с брезгливо-высокомерным выражением лица.

Но он был неприятным исключением, остальные любили

пошутить и поболтать с Бетти, а она, покрасневшись, потом говорила мне:

– Мужчины странный народ. Иногда они сильно ранят, но без них в жизни пресно и скучно, когда-нибудь ты поймешь это, Элионор. Встретить своего человека в жизни – большая удача и редкость.

– А ты, Бетти, встречала? – как-то спросила ее я. Ее взгляд скользнул по мне, и я удивилась отрешенности и печали, застывшей в нем.

– Мне казалось, что встретила, но это был мираж, Элли. Он оказался не моим человеком, но я поняла это слишком поздно, к сожалению.

– Еще все впереди, Бетти, – сказала я запинаясь. – Моя мама всегда говорит, что не нужно отчаиваться, надо верить в себя, и тогда Господь вознаградит тебя за все.

– Господь находится слишком далеко, – резко возразила Бетти, – иногда он не видит отчаявшиеся души, которые нуждаются в нем, призывают Его... Ох, Элли, что я несу. Пожалуйста, не обращай на меня внимания, прошу тебя.

Она обняла меня, и я увидела в ее глазах слезы.

Что-то я расчувствовалась.

– Бетти, ты помнишь, я обещала показать тебе открытку с твоим изображением. – Я была рада отвлечь Бетти от этого разговора. – Сейчас принесу...

Я выбежала из каюты и понеслась к себе. Флосси, увидев меня, осталась недовольна.

– Ты все у Беттины, – протянула она. – Здесь ты почти не бываешь... Как, ты опять уходишь? Да что такое творится, Элионор?

Я, схватив открытку, побежала обратно, но когда подошла к каюте, услышала два голоса: Бетти и какого-то мужчины.

Я замерла.

– Но, Бетти, я говорю вполне серьезно... почему бы и нет. Я побеседую с отцом.

– Не думаю, что это хорошая идея. – В голосе Бетти звучала грусть. – Да и твой отец никогда не согласится...

– Я уже самостоятельный человек, Бетти, и сам вправе распоряжаться своей жизнью...

– Если бы это было так!

– Ты хочешь, чтобы я доказал тебе это?

Дальше, возникла пауза, раздался звук поцелуя, и легкое всхлипывание Бетти.

– Милый мальчик, такой хороший, но еще совсем не знаешь жизни...

Я отпрянула от двери... Сам факт, что у Бетти может быть своя собственная жизнь, в которой мне нет места, поразил меня. Мне уже казалось, что Бетти – моя, и только моя... А этот молодой Эрнест Роусон... Он же моложе Бетти. И он серьезно в нее влюблен? А что будет дальше... Она что-то говорила об его отце...

Я побежала обратно в свою каюту, увидев меня, Флосси проворчала:

– Носишься туда-сюда, ты уже взрослая, а ведешь себя как ребенок.

Потом Флосси ушла, а я осталась в каюте. Никуда не хотелось выходить, так было обидно, что у Бетти своя жизнь, свое увлечение, любовь. Мы приедем в Америку, побудем какое-то время там и вернемся обратно. А потом расстанемся. И когда мы увидимся снова? Эта мысль так поразила меня, что я села на кровать и сказала: «Я не хочу расставаться с Бетти!»

В дверь раздался стук.

– Входите, – машинально сказала я.

Это была Бетти.

– Куда ты пропала?

Ее ласковый голос произвел на меня странное впечатление – я расплакалась.

– Что случилось? – Бетти подошла и села на кровать. – Тебя кто-то обидел?

– Нет. Просто...

Я уткнулась в подушку и начала всхлипывать.

– Поделись со мной? – Бетти просунула руки под подушку и развернула меня к себе.

– Мне ты можешь сказать все.

– Бетти! Мы же скоро расстанемся. Я уеду в Англию, а ты во Францию. Как будто бы ничего и не было.

Бетти смотрела на меня и кусала губы.

– А если... Если... – Она наклонилась ко мне и жарко про-

шептала: – А если мы убежим от всех?

Я села на кровати и посмотрела на нее:

– Как это?

– А так... – Она поднялась, прошла до стены и вернулась обратно. – Мы с тобой останемся в Америке и начнем новую жизнь. Денег мне на первых порах хватит, а потом что-нибудь придумаю. Деньги у меня есть во французском банке, я, правда, копила на старость, но сейчас такой подвернулся случай...

Я смотрела на нее во все глаза. Эта сумасшедшая мысль все больше и больше завладевала моим воображением. Это было бы так здорово! Остаться в Америке! А как же папа и мама? Что они скажут? Конечно, они не разрешат...

– Но мои родители, – прошептала я, – они никогда не согласятся.

Бетти остановилась напротив меня и посмотрела в упор.

– Есть одно обстоятельство... – протянула она. – Я скажу тебе о нем чуть позже, хорошо?

Я кивнула.

Раздался шум. Это вернулась Флосси. На ее лице, как всегда, застыло кислое выражение.

– Я на минуточку заскочила, – зашебетала Бетти. – Вас не было видно, и я решила зайти. Может быть, вы расхворались?

– Мигрень, – коротко ответила Флосси. – Мне, наверное, лучше полежать.

– А мы с Элли пойдем погуляем по палубе, разрешаете?

– Да-да, идите.

Этот вечер я запомнила надолго, он оказался такой бра-
вурно-веселый, яркий. Бетти была в ударе. Она смешила сво-
их спутников, и они заразительно смеялись ее шуткам. А мо-
лодой Эрнест Роусон не сводил с нее глаз. Я наблюдала за
ним с ревнивым чувством, мне не хотелось делить свою Бет-
ти ни с кем. То, что она сказала мне насчет Америки, крепко
засело в моей голове. Эта мысль все больше и больше каза-
лась мне реально осуществимой, более того – она обраста-
ла все новыми деталями. Я уже представляла, как мы будем
жить с Бетти в огромном городе вроде Нью-Йорка, где куча
машин, людей, много театров. У нас будут блестящие знако-
мые, я буду ходить в школу. И у меня появятся новые дру-
зья. Я жила слишком замкнуто, поэтому перспектива новой
жизни вскружила мне голову. Почему-то думалось, что ро-
дители согласятся, чтобы я пожила какое-то время с Бетти.
У мамы будет ребенок, ей станет не до меня – новые хлопот-
ы и заботы...

Но я видела, что Бетти одновременно что-то гложет, она
пару раз посмотрела на молодого Альфреда Сислея с брезг-
ливостью, смешанной со страхом. Она боится его, с удивле-
нием подумала я.

Ухаживания Альфреда Бетти отвергла сразу, при любой
возможности она сторонилась его и не поощряла знаков вни-
мания, которые он ей оказывал. Однажды я краем уха услы-

шала странный разговор между Сислеем и незнакомым мне женщиной.

– Не понимаю, что она о себе воображает. Обычная... – дальше шло французское слово, которое я не разобрала.

Вечер закончился. Мы разошлись с Бетти по каютам, но я еще долго не могла уснуть. Потом все-таки провалилась в тяжелый сон. Проснулась оттого, что меня трогали за плечо. Я открыла глаза, Это была Флосси. И вид у нее был испуганный.

– Что случилось? – спросила я.

– Не знаю. ...Мы почему-то остановились. И стоим... Корабль не плывет.

– Наверное, мелкая поломка, – со знанием дела ответила я.

– Может, выйти посмотреть. – Флосси была встревожена. – К тому же мне снился плохой сон. – Как я уже поняла, плохие сны снились Флосси с завидной регулярностью.

– Я с тобой, – мгновенно откликнулась я.

На палубе столпились немногочисленные пассажиры. Подойдя к ним, мы выяснили, что корабль прошел мимо айсберга и слегка его задел. При этом размеры айсберга никто не мог указать точно. Кто-то говорил: двадцать метров, кто-то тридцать, а один мужчина с пышными усами, взмахнув руками, утверждал, что не меньше пятидесяти.

– Скорее всего экипаж сейчас внимательно осматривает корабль, – высказал предположение один из пассажиров. –

Еще немного, и мы поплывем дальше.

– Да. Уже стоять надоело, – подтвердила его спутница, утыкаясь носом в пальто. На палубе было холодней, чем обычно, и я поежилась.

Постепенно людей становилось все больше...

– Пойдем в каюту, – предложила Флосси. – А то мы здесь продрогнем.

Спускаться мне не хотелось, но я дрожала от холода и при-топывала на месте, пытаясь согреться.

– Л-ладно, пойдем.

Раздался сильный скрежет, а затем толчок.

– Хорошо, что это случилось ночью, – заметила женщина с кокетливыми кудряшками. Она была одета в легкий пеньюар, поверх которого накинула накидку. – А то мы бы не потанцевали вечером.

Ответом ей были взрывы хохота.

– Зато сколько угодно льда для шампанского, – сострил высокий молодой человек в шляпе. – Лед самого лучшего качества. – И он показал на палубу, где валялись куски льда. И снова раздался хохот.

Мы спустились в каюту, но сна не было ни в одном глазу. Посмотрев на Флосси, я увидела, что она молится, сжав руки. Меня тоже охватила необъяснимая тревога, хотя на палубе все уверяли, что ничего страшного нет и мы скоро поплывем снова.

Немного спустя Флосси легла на кровать. Но я видела, что

она не спит. Я тоже лежала и смотрела в потолок. Через короткое время я услышала шум воды. Мы с Флосси одновременно посмотрели друг на друга.

– Что это? – шепотом спросила я.

– Н-не знаю.

В каюту постучали. Я подумала, что пришла Бетти, но это оказалась та самая женщина в пеньюаре.

– Вы не спите? – спросила она, входя. – Кажется, поломка серьезная и скоро будут спускать шлюпки. Лучше всем одеться и выйти на палубу. И не забудьте про спасательные жилеты.

И тут мы услышали громкий мужской голос:

– Всем надеть спасательные жилеты и выходить на шлюпочную палубу! Мадам, месье... поторапливайтесь. Уже мало времени.

Мы оделись потеплее и вышли. В последний момент я скинула взглядом каюту, на столе лежали мои милые мелочи – книжки, тетрадь с сердечком, маленькая куколка, которая была со мной с детства.

Если бы я знала, что больше никогда не вернусь в каюту, я бы прихватила их с собой... Но почему-то такая мысль не пришла мне в голову, не верилось, что с самым лучшим кораблем в мире может случиться что-то серьезное. Казалось, что в любой момент мы снова отправимся дальше...

На палубе народ был одет соответствующим образом – в шубы, зимние пальто, замотан шарфами и шалями. На мно-

гих были спасательные жилеты. Увидев это, Флосси схватила меня за руку:

– Элли! Я не умею плавать.

– Это же так просто, Флосси, – бодро сказала я. – Спасательный жилет выручит, да и вообще это все...

К нам подошел офицер.

– Сохраняйте спокойствие, – сказал он. – Начинаем эвакуацию.

– Бетти! – крикнула я. – Ее нигде не видно.

Я хотела повернуться, но Флосси вцепилась в меня.

– Всех призывают выйти. Стюарды обходят каюты, и Бетти, конечно, уже разбудили. Если ты побежишь за ней – вы разойдетесь. Стой на месте.

Я осталась, но чем дольше стояла, тем сильнее меня охватывало беспокойство. Мне почему-то думалось, что Бетти крепко спит и не слышит, как стучат в дверь. Мы сейчас сядем в шлюпки, а она останется...

– Флосси! – сказала я решительно. – Все-таки я пойду. – И прежде чем она успела что-либо сказать, я развернулась и побежала вниз.

Везде царили суета и паника, хотя люди старались тщательно скрывать свой страх; кругом слышались крики на разных языках, топот ног.

Я добралась до каюты Бетти. Но ее там не было. Я прижалась к стене, меня чуть не сшиб с ног толстый мужчина, мимо пробежали матери с детьми, персонал «Титаника» носил-

ся с озабоченным видом, отдавая команды и призывая людей подняться наверх...

Я пробежала мимо одной каюты, откуда слышались резкие мужские голоса.

– Это все ты! – раздался раздраженный голос. – Ты и твой босс. Джон Морган. Ты работаешь на него, не увиливай.

– Я не скрываю этого. – Голос мужчины я узнала сразу. Альфред Сислей. – Что с того?

– Он все подстроил. И эту аварию, и гибель своих конкурентов. Только подумать, сколько достойнейших людей найдут свою смерть на дне океана!

– Я здесь совершенно ни при чем! Думай, прежде чем говорить. Я пошел, мне тут оставаться незачем, наверняка уже спускают шлюпки.

– Нет, я тебя не пущу. Скажи, сколько тебе заплатили и сколько стоит страховка? Я видел, как ты однажды выходил с пакетом из страховой компании. Вы прикидывали, сколько заработаете?

– Пусти!

Раздались звуки борьбы. Крики, удары... Наконец кто-то охнул.

– Ты убил меня! Ты... убил...

И тут я непонятно почему просунула голову в каюту и встретила глазами с Сислеем.

Я стояла и с ужасом смотрела на него. Этот человек казался мне воплощением дьявола, а то, что он говорил, и того

ужасней. Мне хотелось скрыться, исчезнуть, но я не успела сделать ни одного движения, когда он обернулся и в бешенстве уставился на меня.

Он вытянул палец и ткнул им в меня.

– Ты... ты... – Палец его дрожал, а глаза наливались кровью. – Ты вечно что-то вынюхиваешь, ходишь за мной, маленькая негодяйка.

Я стояла и слушала его. А потом развернулась и побежала.

Я снова неслась к Бетти. И я увидела ее. Она шла, шатаясь. Одной рукой она держалась за стену, другую прижимала к себе, между пальцев сочилась кровь.

– Бетти! – закричала я. – Бетти! Что с тобой?

– Элли! – безжизненным голосом сказала она. – Помоги мне дойти.

– Бетти! Пошли наверх, люди уже садятся в шлюпки.

– Мне нужно полежать и чуточку отдохнуть. Я совсем не могу идти.

– Что случилось, Бетти?

– На меня что-то свалилось сверху, и когда я падала, проткнула себе какой-то деревяшкой бок. Я ужасно себя чувствую, мне бы отлежаться.

Я протянула ей руку, и она оперлась на нее.

– Еще два шага, – разговаривала она сама с собой. – Чуть-чуть.

Мимо нас пробежали люди.

– Эй, мадам! Всем нужно наверх, здесь оставаться нельзя.

Корабль тонет.

– Да-да, мы сейчас.

– Поторапливайтесь, скоро будет поздно. Времени осталось в обрез.

В каюте Бетти без сил повалилась на кровать. Она тяжело дышала.

– Бетти! – начала я. – Случайно я слышала ужасный разговор.

– Что случилось, моя маленькая? – Она прижала мою голову к груди и поцеловала в макушку. – Что, воробышек?

– Я услышала ужасный разговор, Бетти! Я даже не верю, что он был. Может, это дурной сон.

– А может, и правда – сон?

– Нет, Бетти! Я все слышала очень хорошо. Говорил мистер Сислей. Я не знаю, с кем он беседовал. Но тот обвинял его в том, что мистер Морган отправил корабль на верную гибель ради страховки. И Сислей был в курсе.

– Это очень серьезная тема для такой юной леди, – перебила меня Бетти, но по выражению ее глаз я поняла, что она обеспокоена. – Сислей дурной человек, и лучше держаться от него подальше, Элли!

– Я заходила в твою каюту, Бетти, но тебя не было.

– Я была... – По ее губам скользнула легкая улыбка. – Это взрослые дела, не для маленькой девочки. Бывает, что счастье улыбается слишком поздно. Мне кажется, что кто-то скинул сверху на меня этот кусок дерева. Падая, я посмот-

рела наверх, и мне показалось, что мелькнуло лицо Сислея. Он, наверное, видел, как я заходила к... одному человеку, и разозлился на меня за это.

– Но что ты ему сделала, Бетти?

– Ничего. Просто есть такой сорт мужчин, которые не любят, когда им... – она оборвала себя, – когда их не воспринимают всерьез и не хотят с ними дружить.

Бетти становилось все хуже и хуже. Я держала ее за руку и видела, как она тяжело дышит.

– Бетти! Как ты? Тебе лучше?.. – твердила я как заведенная, боясь поверить в самое худшее.

Ее взгляд затуманился, а из горла вырывался хрип.

– Я... я уже не поправлюсь, Элли. – На ее глазах выступили слезы. – Никогда. Моя могила будет в море. Уходи, Элионор, спасайся.

– Я не могу оставить тебя, Бетти, – залилась я слезами. – Я никогда не прощу себе этого.

– Уходи, Элионор... Я прошу, я приказываю тебе. Я... – Она приподнялась на подушках, а потом в изнеможении откинулась назад. – Умоляю тебя.

– Бетти! – вскрикнула я. – Не надо.

– Я приказываю тебе, я – твоя мать. – И она замолчала, словно это признание лишило ее сил.

Пораженная вырвавшимися у нее словами, я замолчала и выпустила руку Бетти.

– Элли, – шептала она, – моя девочка. – Она дотронулась

до моих волос и потянула меня за локон. – Как я мечтала увидеть тебя, погладить по голове. Сколько раз я ложилась спать, заливаясь слезами оттого, что ты так далеко от меня. Ах, Элли, Элли. Будь проклят тот день, когда я согласилась расстаться с тобой. Но я была презираема всеми, твой отец бросил меня. А Энн милостиво предложила взять тебя на воспитание. У них с Рэндольфом не было детей. Я согласилась. И зачем только пошла я на это? Но у меня, девочка, не было выхода. Вся родня отвернулась от меня. Я была молода, влюблена в твоего отца, а он оказался слабым человеком. Его семья хотела, чтобы он женился с выгодой для себя, сделал достойную партию. Вот он и отказался от меня. Как же все глупо получилось...

– Бетти! – шептала я. – Бетти! Как же так...

– Я понимаю, ты, наверное, думаешь, что я бестолковая, бездарно распорядилась собственной жизнью. И кого теперь в этом винить? Мне некого... Только себя. Ни за что и никому я не желаю такой судьбы, как у меня. Никому.

Бетти, нет, моя мать, теперь я могла называть ее так, смотрела на меня с бесконечной нежностью и печалью. А я глядела на нее, и у меня сжималось сердце.

Сверху раздался грохот, и я прижалась к койке.

– Мама! – шептала я. – Мама.

Мы обе залились слезами и упали друг к другу в объятия.

– Все, Элли! Беги. Будь счастлива. А я буду молиться за тебя с того света. У меня есть небольшие сбережения в Ли-

онском банке. Там работает мой старинный друг, он отдаст тебе мои деньги. Его зовут Морис Шаво. Он все знает... скажи ему... – Ее глаза затуманились, силы покидали мою маму.

Я целовала ее руку и обливалась слезами, у меня не осталось сил.

– Все, Элли! – Голос Бетти прозвучал строго, почти сердито. – Времени осталось совсем мало, «Титаник» вот-вот пойдет ко дну. Иди, спасайся. Ради меня, Элли! Вот возьми. – Мама сняла с шеи медальон и протянула его мне. – Накануне поездки я отдала медальон знакомому ювелиру, и он выгравировал сверху надпись «Титаник». Я решила, что этот корабль соединит нас. – Легкая улыбка скользнула по ее губам. – Да, чуть не забыла. Возьми деньги, я их везла с собой, думала, что мы начнем новую жизнь в Америке. Открой стол и возьми пояс, там деньги... Они твои. Это медальон на память, доченька, вспоминай меня хотя бы иногда. Поцелуй меня. И поторопись!

Я поцеловала ее в губы и встала, все прыгало перед моими глазами, расплывалось как в тумане. Но я понимала, что должна идти. Ради мамы. Она мне велела жить дальше. И я должна выполнить ее наказ.

То, что было потом, будет навечно записано в книгу людских страданий, ужаса и боли. Я успела сесть в шлюпку, меня закинул туда высокий мужчина, а потом, увидев, что я приземлилась, широким жестом перекрестил. Я его больше

не видела, очевидно, он не спасся. Да хранит его Господь на том свете!

Мы, сидевшие в шлюпке, думали, что все позади, но это было только началом долгой ночи, закончившейся лишь через несколько часов. Эта ночь долго не отпускала меня. Дикий грохот, с которым корабль ушел под воду, крики и мольбы барахтающихся в ледяной воде людей: они отчаянно цеплялись за нашу шлюпку и пытались забраться в нее. Трех нам удалось взять. Остальных – не могли. Уже не было места. Эти крики будут стоять в моих ушах до конца дней. Я сгорбилась на дне шлюпки и беззвучно молилась. Передо мной все время стояло лицо матери. Бетти. И это придавало мне силы. Я понимала, что должна жить ради нее. Я ей обещала. И должна сдержать свое обещание. Мы отплыли от ушедшего в воду корабля, но при малейшем крене из-под шлюпки выходил воздух: воздушная подушка уменьшалась, и шлюпка была обречена... Помощник капитана велел всем нам стать лицом к носу и внимательно следить за каждым движением шлюпки. Он постоянно отдавал нам команды наклониться то вправо, то влево. Мы видели по его лицу, что хоть мы и спаслись, еще не факт, что мы выживем, оставшись наедине с ледяной стихией в шлюпке, которая медленно погружается в воду. Некоторые люди, не выдержав напряжения, теряли сознание и соскальзывали в океан. Брезентовые борта шлюпки неотвратимо пропитывались водой, мы были обречены. На какой-то момент я испытала облегчение:

у меня не было сил бороться, я вся окоченела, практически не чувствовала пальцев рук и ног. Скоро все закончится, и я соединюсь со своей мамой – милой Бетти! Я улыбнулась и закрыла глаза. Неожиданно я ощутила толчок, меня кто-то схватил за руку.

– Ты что? – услышала я. – Держись. При малейшем наклоне можно полететь в воду.

Я открыла глаза. Вокруг было темно.

– Спасибо, – прошептала я. – Но мне уже ничего не надо.

– Ты что? – Меня крепко трянули. – Держись! До последнего. – Голос был сердитый. Я присмотрелась к своему соседу. Это был молодой человек с аккуратными тонкими усиками. Но голос у него оказался нежным и высоким как у девушки.

– Я вас... не знаю.

– Познакомимся потом. Прислонись ко мне. – Меня схватили за руку. В темноте я увидела глаза, в которых горел мрачный огонь.

– Мы выживем! Вот увидишь! – Это был почти приказ.

Все до боли в глазах всматривались вдаль, надеясь увидеть корабли, идущие нам на помощь. Но их не было.

Дно шлюпки уже было под водой. На наше счастье, ветер утих, иначе количество жертв возросло бы. Но к утру стал подниматься ветер. На лице помощника капитана я видела ужас, смешанный с отчаянием. Это означало, что если в ближайшее время к нам никто не придет на помощь – мы по-

гибнем.

Я сидела в полудреме, еще немного – и я потеряю сознание и соскользну в воду, но находившийся рядом молодой человек все время тормозил меня. Уже цепенея от холода, я услышала чей-то крик:

– К нам идет судно.

Помощник капитана дал нам команду не шевелиться. Иначе мы нарушим равновесие, и шлюпка перевернется.

И тут случилось нечто странное. Корабль остановился. Мы все принялись кричать, но нас не слышали. Тогда помощник капитана достал офицерский свисток, над водой разнеслась трель...

И к нам направилась спасательная шлюпка. Мы с трудом сдерживали стоны и рыдания счастья.

– У тебя из губы идет кровь, – услышала я рядом.

Оказывается, я так сильно прикусила губу, что пошла кровь.

– Ничего. – Я достала из кармана пальто платок, вместе с ним фотографию: «Элли от Бетти» было написано на обороте. Оказывается, я машинально сунула ее туда.

– Как зовут вас? – негромко спросила я. – Моего спасителя.

Юноша наклонился ко мне.

– Я не «он», а девушка, – услышала я быстрый шепот. – Но об этом никто не должен знать. Я из России. И зовут меня Аграфена. Грушенька.

Глава 2

Катастрофа длиной в сто лет

Бог не играет в кости со Вселенной.
Альберт Эйнштейн

– Мы уезжаем отдыхать. Только подумай, в нашем распоряжении шикарный лайнер «Астория», – сказал Ульяне бойфренд и выжидательно посмотрел на нее.

Отдых – это здорово. Тем более – неожиданный. Димка сюрпризами ее нечасто баловал, и вдруг – расщедрился. Ульяна с улыбкой посмотрела на него и вскинула руки вверх:

– Ура!

– Ура! – подтвердил он. – Если честно, я и сам не верю. Роскошный лайнер, каюта – первый класс. Премировала родная редакция меня таким способом впервые за все время, что я пахал на нее. Наконец-то оценили мои труды по достоинству.

– Вот видишь, а ты говорил, что тебя затирают.

– Затирают, затирают, только поняли, что меру нужно

знать, иначе восходящая звезда российской и международной журналистики Дмитрий Дронов уйдет в свободное плавание. А за честь иметь его публикации на своих страницах будут драться «Фигаро», «Таймс».

– Надеюсь дожить до этого времени, – поддела его Ульяна.

– Доживешь, доживешь, куда ты денешься. – Дмитрий говорил на ходу, засовывая бутерброд в рот и отпивая кофе из кружки.

– Я рада, – сказала Ульяна. – А то ты совсем скис...

Но он, похоже, ее уже не слышал...

Дмитрий был доволен, таким Ульяна его не видела давно. Когда они познакомились год назад, Дмитрий произвел на нее впечатление вечного нытика. Нет, он был в меру обаятелен, имел чувство юмора – было видно, что он старается изо всех сил произвести на нее впечатление.

Они познакомились на вечеринке, организованной рекламной компанией, где работала Ульяна. А Дмитрий был журналистом в газете «Глас города» – издании, которое бесплатно рассовывали по почтовым ящикам, его обожали читать пенсионеры. Там было все про город: как он расцветает и хорошеет на глазах; какие здания и дороги собираются строить и ремонтировать, как градоначальник денно и нощно заботится о горожанах и как повезло им, что они в нем живут. Как сказал Дмитрий, когда их представили друг другу: мы «распространяем сплошной позитив в эпоху всеобщего уныния. Кстати, милая девушка, это самый востребован-

ный товар на сегодняшнем рынке. Позитива, вот чего нам всем не хватает». Свой позитив молодой человек подкреплял спиртным, лившимся на халяву, а также канопе с красной икрой, которые регулярно исчезали у него во рту.

Коллега Ульяны Зоя Владимировна, рыжая стерва, разведенка с десятилетним стажем, бросала на нее взгляды, полные ненависти. Очевидно, она строила планы на Дмитрия, а Ульяна невольно разрушила их.

– Слушайте, – прошептал Дмитрий, наклонившись к ней, – эта рыжая так на меня смотрит, я ее боюсь. Давайте удерем с вечеринки, здесь уже все приелось, хочется на свежий воздух.

Ульяна обвела взглядом небольшой зальчик, который был арендован ее начальником Виктором Степановичем для привлечения журналистской братии с целью «установления полезных и взаимовыгодных контактов», как было написано в пресс-релизе, и решила, что уже можно и на воздух.

Стоял апрель. На улице была приятная весенняя прохлада.

Дмитрий шел и молчал. Спустя три месяца он признался Ульяне, что боялся ляпнуть что-то невпопад или выглядеть в ее глазах тупым и неловким. Они дошли до метро, и тут он предложил Ульяне прогуляться еще. Она подумала: соглашаться или нет, и неожиданно для себя сказала: «да». Они прошли пешком до Александровского сада, и здесь Дмитрия словно прорвало. Он вдруг стал необычайно красноре-

чивым и остроумным. Он сыпал анекдотами и разными журналистскими байками. Судя по его рассказам, выходило, что он чуть ли не главный редактор, хотя его роль в газете была намного скромнее. Но это выяснилось значительно позже и мимоходом. Ульяна скептически улыбалась: она была девушкой разумной, и вешать лапшу ей на уши не стоило. Но этот застенчивый молодой человек, изо всех сил старающийся выглядеть храбрым львом, чем-то ей понравился. Он напоминал нахохлившегося птенца, который трясется перед крадущейся кошкой, но изо всех сил старается выглядеть отчаянным смельчаком. Да и потом, ей наскучило собственное одиночество. После смерти родителей она жила одна. Отец умер от инфаркта три года назад. Через год умерла мать.

Тот мир, в котором она жила и который казался ей неизблемым, постоянным и устойчивым, вмиг разбился как хрупкая фарфоровая статуэтка, по неосторожности уроненная на пол. Ульяна хороша помнила день, когда умер отец.

Это был декабрь, выпал первый снег – робкий, неуверенный. Он таял и выпадал снова. Папа должен был прийти с работы, он приходил всегда в одно и то же время – в половине седьмого. А в тот раз не появился. Мама спохватилась в половине девятого.

– Папы до сих пор нет, – сказала она с беспокойством. – Звоню ему на сотовый – он не отвечает. Что случилось, не пойму, он обычно сразу берет трубку, а сейчас – «абонент недоступен». Пойду посмотрю.

– Куда? – спросила Ульяна. – Может быть, он на работе...

Отец работал в гуманитарном институте, располагавшемся в старинном здании в центре Москвы. Что было потом, Ульяна смогла восстановить спустя некоторое время со слов матери: по ее сбивчивым объяснениям.

...В институте отца не оказалось, вахтерша тетя Люся пояснила, что Константин Николаевич ушел вовремя, как всегда, не задерживаясь и пожелав ей хорошего вечера. «Правда, в последнее время он был слишком задумчивый, – после недолгой паузы сказала тетя Люся, – но я приписывала это возрасту». – «Ах, какой возраст, – отмахнулась мама. – Шестьдесят четыре года всего лишь... Разве это много?»

По наитию мать стала кружить вокруг института, она заходила во дворы, улочки и все время звонила... Но абонент по-прежнему был «недоступен». И вдруг ей пришла мысль позвонить по старому телефону. У отца был еще один мобильный, со старым он не расстался, брал его с собой. Родители вообще неохотно расставались со старыми вещами, они называли их реликвиями с «историей» и говорили, что в каждой такой вещи живет душа владельца...

Уже темнело. Крупными хлопьями валил снег, на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно, и вдруг мать услышала тонкую мелодию – Шопен. Звук был приглушенным, но слышным. Едва-едва. И она пошла наугад на эту мелодию. Из-за снега, валившего отвесной стеной, звук пробивался с трудом, то появляясь, то исчезая. Ульяна представи-

ла, как мать раздвигает руками летящие хлопья, пытаюсь уловить мелодию, звучавшую то глухо, то отчетливо... Это была смертельная игра в прятки... Звук становился все слышней, и мама поняла, что идет правильно. Она нырнула под арку и остановилась во дворе. Сквозь пелену снега тускло светились окна в домах, они расплывались у нее перед глазами. От колкого снега мать боялась задохнуться, кружилась голова, взмахнув руками, она чуть не упала, и в этот миг ее рука нащупала что-то твердое. Это был ствол дерева, росшего во дворе. Мелодия уже раздавалась почти рядом и вдруг заглохла. Видимо, садился заряд батареи старого мобильного. «И меня охватил страх, – рассказывала мать, – я поняла, что могу потерять Костю в любой момент, а он где-то рядом. И тут я ударилась коленкой о доску». Справа что-то смутно чернело... Она сначала увидела рукав пальто, и теплая волна прилила к сердцу. Костя! «Это был твой отец, Уля, понимаешь». – Она смотрела на дочь потемневшими глазами, вспоминая, как радость сменилась робкой надеждой, а потом – отчаянием.

«Я тронула его за рукав, – вспоминала мать, – но он даже не шевельнулся. И меня посетила глупая мысль, что он просто замерз, я взяла его руку и поднесла к губам, он накренился ко мне, и я поняла, что случилось непоправимое, ужасное, только все еще отказывалась в это верить.

И тут я закричала... собственный крик отдавался у меня в ушах, а я все кричала, пока ко мне не подошли люди...

Дальнейшее не помню. Приехала «Скорая».

Мать говорила, спешно проглатывая слова, самое главное она сказала, остальное было неважно...

Ульяна помнила, как приехала мама с двумя незнакомыми людьми – они согласились помочь ей доехать, как она легла ничком на кровать, отвернувшись к стене, не сказав ни слова, а эти незнакомые Ульяне люди, наконец, рассказали, что случилось...

Ульяна не верила их словам, ей казалось, что произошла чудовищная ошибка и сказанное относится не к ее отцу, а к другому человеку. И папа жив и сейчас позвонит в дверь и пробасит:

– Долго же ты мне не открывала, Уля!.. Закопалась, барышня, чем занималась?

Мама немного отошла только к концу недели. Словно в тумане прошли похороны, поминки, справили девять дней.

Дома все оставалось в том виде, как при жизни отца, мать не трогала ни его вещи, ни письменный стол.

«Сердечная недостаточность», – вынесли свой вердикт доктора. «Он раньше никогда не жаловался на сердце, – задумчиво сказала мать, когда после поминок они сидели на кухне и пили чай. – Хотя, может быть, терпел боль и не говорил мне об этом. Он с молодых лет был стойким и терпеливым. Почему он умер на скамейке? Что он делал в том дворе? Как туда попал?»

Документы были при отце, но мобильный пропал. Старый

сотовый просто не заметили, оказывается, он провалился в подкладку кармана. «Кто-то успел ограбить его, – сказала мать, – до чего низко пали люди, они даже не вызвали «Скорую». Может быть, его можно было еще спасти». – «Он мог выронить мобильный и потерять его на дороге». – «Вряд ли, твой отец был аккуратным человеком, ты это знаешь, и потерять телефон... – мама покачала головой, – на него это не очень похоже... Хотя твой отец в последнее время несколько изменился. Стал каким-то... странным. Часто уходил в себя. Но я приписывала это тому, что в институте собирались проводить очередное сокращение. Он очень переживал по этому поводу. Не хотел остаться без работы. Он, историк, любил свое дело... – Ульяна услышала легкий вздох. Неожиданно мать тряхнула волосами. – Я хочу разобрать его вещи».

Она решительно прошла в комнату и потянула ящик письменного стола. Бумаги мать разбирала молча, сосредоточенно, когда Ульяна предложила свою помощь – отказалась. «Не надо, – сказала она, откидывая со лба светлую прядь, – я сама».

Отец был выше среднего роста, седые волосы, аккуратная щеточка седых усов, а мать – легкая, стремительная, тонкая кость, светлые волосы, которые всегда развевались вокруг лица подобно легкому облачку. «Мой одуванчик», – ласково называл отец жену.

«Жаль, что я не в мать, – часто думала Ульяна. – Высокая, крупная кость... – вся в отца. Правда, глаза у меня мамии-

ны – светлые. А характер взяла от обоих. Упрямство мамы и деликатность, мягкость папы. От него же привычка резать правду-матку, невзирая ни на что, и никак мне от этой привычки не избавиться...»

Ульяна сидела на кухне и пила чай, пойти спать, когда мама разбирает бумаги папы, ей казалось кошмарным. Она может понадобиться ей в любую минуту... Та позвала ее примерно через полчаса:

– Уля! Смотри, что это?

Ульяна выросла в дверях. Мать сидела на диване в домашнем халате и смотрела на нее ввалившимися от бессонницы и переживаний глазами.

– Вот, – она махала в воздухе двумя билетами. – Билеты в Тверь. Он ездил туда дважды и ничего мне об этом не сказал. Только подумать, у твоего отца были от меня секреты, и это после стольких лет, что мы прожили вместе. – Она закусила губу. – Уля! – Слезы брызнули из ее глаз. – Да что же это такое! Может, у него появилась женщина, он хотел от меня уйти, ездил к ней тайком в Тверь, не знал, как мне все это объяснить, и поэтому его сердце в конце концов не выдержало.

Ульяна подошла, села рядом с ней и погладила ее по голове. Только сейчас она обратила внимание, как высохла и похудела ее мама за это время, в волосах блестела седина, которую раньше она регулярно подкрашивала, а теперь стало незачем. И руки стали похожими на тоненькие веточки.

Ульяна обняла и прижала маму к себе.

– Ну что ты, какая женщина. Папа тебя любил...

– Я знаю. – Мама вытерла слезы тыльной стороной ладони. – Я знаю, но откуда эти билеты, – он же никогда ничего от меня не скрывал.

Ульяна кивнула. Ее родители были на редкость дружной парой, никогда не ссорились, все делали вместе и не имели секретов друг от друга... по крайней мере до последнего дня.

– Это какое-то недоразумение...

– Нет. Два билета. И еще... – она запнулась... – я только сейчас вспомнила: последнее время он стал уходить в себя, не откликался на мои вопросы, несколько раз я входила сюда, когда он работал, и Костя торопливо прикрывал листы журналом. Я тогда еще удивилась, подумала: он что, занимается какой-то сверхсекретной работой? А он, наверное, переписывался с той женщиной.

– Ма! Ну, о чем ты? Выброси это из головы. Папа любил только тебя.

Мать крепко сжала губы и ничего не ответила.

– Сейчас я бы из него всю душу вытрясла, – сказала она сердито. Она словно негодовала на отца, что он умер вместе с какой-то тайной, которую так и не открыл ей, что у него было нечто, чем он не захотел делиться с ней...

После смерти отца мама утратила волю к жизни. Раньше Ульяна думала, что слова «воля к жизни» – пустой звук, но оказалось, что воля – это нечто вполне осязаемое. Вроде же-

лезного каркаса, который скрепляет все, нет воли, и человек рассыпается на глазах. Мама все делала по инерции, она жила, повинуюсь привычному ритму, но мыслями была где-то далеко, там, где обитал ее обожаемый Костя. ...Однажды Ульяна зашла в кухню и увидела, как мама чему-то смеется, покачивая головой.

– Мам! Ты что? – спросила Ульяна, подходя к ней ближе. Та посмотрела на нее, и ее взгляд стал пустым.

– Ничего, – ответила она. – Вот Костя сказал... – и осеклась.

Мать умерла осенью. Щедрой солнечной осенью, когда густым золотисто-багряным ковром были усыпаны все тротуары в городе, и дворники только успевали сметать с дорожек листья.

Она ушла во сне ночью. Утром Ульяна подошла к кровати и увидела, что она умерла легко, ей даже показалось, что мама сейчас откроет глаза, улыбнется и скажет:

– Улечка! Приготовь, пожалуйста, завтрак. И мой любимый кофе с молоком. Только молока налей погорячее и побольше, как я люблю...

После смерти родителей Ульяна впала в оцепенение. Она работала в маленькой конторе, где платили сущие гроши, денег не хватало, перспектив никаких, знакомые и подруги все незаметно рассосались. Она погрязала в трясине, откуда не могла выбраться.

И вот однажды, спустя полгода после смерти матери, вес-

ной Ульяна подошла к зеркалу, как она всегда делала перед выходом на улицу, и поразилась своему виду. На нее смотрел абсолютно старый человек, с тусклым взглядом, сутулой спиной и бледным лицом. Она смотрела на себя будто со стороны, как на чужую. И поняла: то, что она видит в зеркале – ей категорически не нравится. У нее были длинные волосы, которые она любила распускать по плечам. Но сейчас, глядя на себя в зеркало, она поняла, что ей нужно сделать.

Она взяла ножницы и отрезала волосы, а потом засела в Интернете на целый день и нашла себе работу. То ли постарался ее ангел-хранитель, то ли было счастливое расположение звезд, но место она нашла на удивление быстро, в хорошем офисе и с приличной зарплатой. А главное – работа оказалась творческой, то, что нравилось Ульяне. Она участвовала в создании рекламы. Заказчики попадались разные, но к каждому Ульяна старалась найти подход, пыталась увидеть нечто интересное – даже в самом безнадежном проекте. Ульянина реклама нравилась и заказчикам, и ее начальнику. Обычно она допоздна засиживалась в офисе, когда уже все рассасывались по домам. Она просто не могла признаться себе в том, что в пустой дом идти не хочется.

Так прошло полгода. Ульяна не притрагивалась к вещам родителей, но в начале марта решила разобрать их. Одежду родителей она рассортировала на две стопки. Одну собиралась отдать в благотворительный фонд, другую – оставить на память.

В старой папиной кожаной куртке она нашла пропуск в тверскую историческую библиотеку, выписанный на его имя. Опять Тверь, подумала Ульяна и нахмурилась. Может быть, у отца действительно появилась женщина в Твери, и она работает в библиотеке? Пропуск был датирован октябрём прошлого года. Это было за два месяца до смерти отца.

Ульяна повертела пропуск в руке, она хотела разорвать его в клочья и выбросить в мусорное ведро, но почему-то не сделала этого. Она аккуратно разгладила пропуск и положила его в одно из отделений своего кошелька. Надо бы, когда станет тепло, съездить в Тверь и зайти в эту библиотеку. Может быть, я узнаю, что папе понадобилось там. Или все-таки лучше не ворошить прошлое? Пусть папа останется без малейшего пятнышка. А вдруг здесь дело не в женщине, а в чем-то другом?..

Жизнь шла по накатанной колее: дом – работа – дом, когда она встретила Дмитрия...

И вот они идут по ночной Москве и молчат.

– В-вас проводить? – Когда Дмитрий сильно волновался, он начинал слегка заикаться. – Наверное, родные уже волнуются.

– У меня нет родных. Все умерли.

Наступило молчание.

– П-простите.

– Ничего.

Несмотря на возражения Ульяны, Дмитрий все-таки про-

водил ее до дома, а на следующий день позвонил и предложил сходить в кино. Фильм, на который они пошли, был совершенно дурацким американским боевиком, из тех, где все вокруг стреляют, мутузят друг друга, а роковые красотки занимаются сексом при каждом удобном случае.

После кино они отправились в буфет. Дмитрий принес Ульяне кофе и воздушное безе, и только она откусила от него кусочек, как он предложил ей жить вместе.

– Так будет лучше, – убеждал ее он. – Вы совсем одна, вам нужен уход.

– Я еще не старая. – Ульяна не знала, плакать ей от этого предложения или смеяться.

– Но присматривать-то за вами надо.

– Я не породистый кот и не рыбка в аквариуме.

– Ерунда! – солидно ответил Дмитрий – Вы девушка легкомысленная и можете наломать дров.

– Откуда вы знаете?

– Все девушки такие, – отмахнулся он.

Ульяна хотела возразить, что она жила как-то без него все эти годы, проживет и дальше, но вместо этого она встала и выпалила:

– Не трудитесь меня провожать. Всего хорошего.

Но Дмитрий был настойчив, он звонил по нескольку раз в день, несмотря на то что она вешала трубку, наконец, подкараулил ее около работы с букетом цветов, извинился и протянул два билета в театр.

– Надеюсь, в буфете между антрактами вы не будете делать мне никаких предложений? – спросила Ульяна.

Дмитрий завоевывал ее постепенно: шаг за шагом – медленно, но неуклонно. Осада крепости велась по всем правилам. Ульяна постепенно привыкла к нему, и через два месяца он переехал к ней со всеми своими нехитрыми пожитками. Дронов был из Рязани и снимал квартиру где-то в Гольянове, ездить на работу ему было страшно неудобно, а на жилье получше не хватало денег. Вопреки «распространяемому позитиву» платили в газете мало, считая, что хватит и этого. Но все это Ульяна узнала позже. Дмитрий сразу поразил ее своей прагматичностью. Он тушил свет и не давал зря жечь электроэнергию, воду в кране закручивал до упора, из продуктов никогда ничего не выбрасывал, потом собирал остатки еды, заливал их майонезом и получался «дроновский салат», так он называл это «блюдо». Порвавшиеся носки не выбрасывал, а аккуратно штопал, одежду покупал практичную и неяркую. Машиной не обзавелся, потому что считал, что автомобили жрут слишком много бензина, а метро и другим общественным транспортом зачастую добираться удобнее. Ульяна зарабатывала больше Дмитрия, что было тяжелым ударом по его самолюбию. Он ворчал и говорил, что творческим людям всегда живется труднее, а сейчас рулят «эффективные менеджеры». Время такое...

Ульяна чувствовала, что она незаметно превращается в тихую серую домохозяйку, которая на всем экономит и бо-

ится лишних трат. На Новый год все в Ульяниной конторе уехали отдыхать: кто в Альпы кататься на зимних лыжах, кто – в Турцию или Таиланд.

Дима же приехал в десять часов вечера после корпоративной вечеринки с елкой.

Ульяна подозревала, что елка была подобрана на елочном базаре или выброшена кем-то за ненадобностью. Один ее бок был ошипан, а макушка – срублена.

– Живое дерево, – топтался в коридоре Дмитрий. – И пахнет хвоей. Хвоя и мандарины – приметы Нового года. Кстати, я успел забежать в магазин и купить килограмм мандаринов.

– А шампанское?

– Уже не было. Купил красного вина. А чем это пахнет? – спросил он, поводя носом.

– Гусем с яблоками.

Ульяна вспомнила свой прошлый Новый год, который отмечала с девчонками. Они уехали в Суздаль, сняли там небольшой коттедж в лесу и оторвались на славу. Когда ударили куранты, они, не сговариваясь, выбежали на улицу и стали что-то кричать, хохотать, петь песни. Ульяна помнила, как Маринка выписывала немыслимые акробатические па вокруг елки, а потом упала в снег и расхохоталась:

– Ой, девчонки, как же здорово!

Их компания вскоре распалась. Маринка через месяц познакомилась с чехом, они поженились, и она уехала к нему

в Прагу, а Татьяна ухаживала за парализованной капризной бабкой, и ей стало ни до чего.

Но несмотря ни на что, Ульяна себе все-таки признавалась, что привыкла к Дмитрию, и, пожалуй, с ним все-таки лучше, чем одной. Хотя иногда она задумывалась, неужели ей суждено прожить с Дроновым всю жизнь? По ее мнению, они были слишком разными людьми...

* * *

В самолете Ульяне досталось место у иллюминатора, она смотрела, не отрываясь, на пенистые облака, проплывавшие мимо.

Она с трудом оторвалась от неба и открыла рекламный буклет. «Круизное судно «Астория» (Astoria) было построено на верфях Финкантьери в Сестре-Поненте (Генуя, Италия). Сразу после спуска на воду оно заняло 8-е место в десятке самых больших круизных судов в мире. Строительство лайнера обошлось заказчику в 450 миллионов евро.

После окончания строительства корабля в европейских СМИ о нем писали: *«Спущен на воду новый флагманский пассажирский лайнер итальянского туристического флота «Астория» – самый большой круизный корабль Европы. Водоизмещением 112 000 тонн, принимающий на борт 3780 человек, лайнер стал самым крупным пассажирским судном, когда-либо ходившим под итальянским флагом».*

Длина 12-палубной «Астории» составляет 290 метров, на судне имеется 1500 кают, 5 ресторанов, 13 баров, 4 бассейна. Свои услуги туристам предоставляют оздоровительный центр, концертные залы, магазины и парикмахерские. Команда лайнера и обслуживающий персонал составляет около 1020 человек.

Вас ждет незабываемое путешествие... Добро пожаловать на лайнер «Астория».

– Ну как? – спросил Дмитрий, отрываясь от своего ноутбука. – Впечатляет?

– Здорово!

– Я так и думал, что это нечто грандиозное, – пробормотал он, снова утыкаясь в какой-то журналистский материал.

Каюта была уютной и комфортабельной.

Они не стали распаковывать вещи, переоделись и вышли на палубу. Публика, как заметила Ульяна, была интернациональная. Англичане, французы, итальянцы. Также слышалась и русская речь.

Было тепло, но с моря дул легкий ветер, и она вернулась в каюту, чтобы взять теплый длинный шарф, в который можно было завернуться и согреться.

Когда она вышла на палубу, Дмитрий стоял, облокотившись о борт, и смотрел направо. Проследив за его взглядом, Ульяна заметила, что он смотрит на невысокого мужчину, который шествовал под руку с блондинкой, девушка чему-то

смеялась, демонстрируя безупречные зубы, и прижималась к своему спутнику.

– Это твои знакомые? – спросила Ульяна, подходя ближе. Ей показалось, что Дмитрий смутился.

– Ты что? Я просто засмотрелся, пока ждал тебя, что-то ты долго ходила. Это, Уля, только начало нашей новой жизни. Скоро все изменится.

– Тебе поручили новую колонку?

– Вот что. – Дмитрий отстранился от нее и принял серьезный вид. – Мои дела – это журналистские секреты. И раньше времени обнародовать их не стоит. Сама понимаешь, конкуренты не дремлют. Я человек суеверный, поэтому заранее о своих новых планах говорить не хочу. Когда наступит время – все скажу. А пока извини – молчок.

Раньше вроде никакой секретности и конкурентности не было. Но может, и правда на горизонте ее бойфренда замаячило что-то денежное. Журналисты – народ, который зависит от многих факторов. От удачи, умения оказаться в нужное время в нужном месте, от расположения сильных мира сего, от быстроты реакции, важности темы... Отсюда и суеверие, чтобы не сглазили и не обошли.

«В конце концов, вывез же он меня в это замечательное путешествие. И на том спасибо». Ульяна поежилась и прижалась к Димке.

– Что-то холодновато.

– Ничего! Терпи, мне нужно сейчас один материал обра-

ботать. Ты подожди меня, погуляй пока одна по палубе. Я скоро.

Народу на палубе прибывало. То там, то здесь раздавался смех.

Ульяна облокотилась о перила и посмотрела на воду. А потом вверх. Красивый закат: яркие хвосты разметались по небу: золотистые, оранжевые, ярко-красные, бирюзовые. Эти всполохи отражались в море, и блестящие струйки вспенивали воду. Красота! Почему она раньше не ездила в круизы? И вообще почти никуда до встречи с Димкой не ездила, только один раз в Турцию, и все.

Ей надоело стоять на палубе, и она решила спуститься вниз, познакомиться с кораблем. В коридоре Ульяна наткнулась на человека, показавшегося ей знакомым. Тут она вспомнила, что это мужчина, на которого смотрел Дмитрий, когда она подошла к нему на палубе. Ничем не примечательное лицо, средних лет, сухощавый, на лице – загар.

Он шел от рубки капитана, дверь в которую была приоткрыта, у Ульяны возникло искушение заглянуть туда. Капитан представлялся ей человеком с окладистой седой бородой, как в фильме про «Титаника» – мужественный и подтянутый. Настоящий морской волк.

Ульяна снова поднялась наверх, погуляла по палубе, потом позвонила Дмитрию, он сказал, что скоро все закончит и присоединится к ней. Через пятнадцать минут Дима оказался в ее поле зрения нахмуренный и чем-то озабоченный.

По его словам, у него жутко разболелась голова, чувствует он себя неважно и поэтому быть галантным кавалером при всем желании не может, пусть Ульяна на него не сердится. Несмотря на ее попытки как-то растормошить Димку, он по-прежнему оставался насупленным и на ее вопросы отделялся краткими междометьями.

Потом Димка внезапно сказал, что хочет пораньше лечь спать, так как он устал: день был суматошным – перелет, то, се... Ульяна может оставаться на палубе и гулять, сколько ей вздумается. Но оставаться одной в шумной веселой толпе Ульяне не хотелось, и она спустилась вместе со своим бойфрендом в каюту.

Раздевшись, она уснула, между тем как Дмитрий что-то строчил на компе, несмотря на то что десятью минутами раньше уверял ее в том, что буквально спит на ходу.

Они с Дмитрием позавтракали, кроме них за столиком сидели пожилая англичанка, которую звали Мэри, и мужчина, представившийся как Герберт. Хорошее знание английского позволяло Ульяне общаться со своими соседями. Выяснилось, что Мэри уже много раз плавала по Средиземному морю, а мужчина как-то неопределенно мотнул головой, и Ульяна решила к нему ни с какими вопросами не приставать. Может, у человека голова болит или он вообще немногословен.

Дмитрий же сидел и вертел головой в разные стороны.

Случайно перехватив его взгляд, Ульяна с удивлением обнаружила, что он пялится все на того же мужчину, что и в прошлый раз. Тот был не один, с той же молодой девушкой-блондинкой, она заразительно смеялась, а он накрыл своей рукой ее ладонь. «Поймала папика», – подумала Ульяна. Сейчас это в порядке вещей, молодые девушки ловят богачей и живут за их счет. Мужчина выглядел как человек с солидным достатком. Часы «Rolex Daytona» стоили немало. Ульяна это знала, совсем недавно ее компания участвовала в их рекламе. Так что подлинная стоимость «ходиков» ей известна.

Но что Димка в нем нашел? Может, и вправду он его знает? Он – журналист, у него куча знакомых, с которыми он мимолетно сталкивается, пересекается на разных фуршетах-банкетах, пресс-конференциях и съездах... Его синяя записная книжка вспухла от телефонов и адресов. Контакты и связи журналиста – его золотая жила, которую нужно неустанно разрабатывать, любил говорить Дмитрий.

После завтрака Ульяна фланировала по палубе, вид на побережье был красоты сказочной: скалы, городки, прилепившиеся к ним, разноцветные домики...

Остановились они в городе Савона, откуда планировалась экскурсия в Геную.

Еще до поездки Ульяна обзавелась путеводителем, чтобы при удобном случае можно было заглянуть в него и почерпнуть информацию.

Оставаться в Савоне предполагалось пять часов, а потом снова в путь. Курс на Марсель! В программе значилось посещение замка Иф, куда Александр Дюма поместил своего знаменитого персонажа – графа Монте-Кристо. Ульяна представляла, какие красочные она сделает фотки и как потом будут ахать-охать ее подружки.

Правда, Маринка сейчас в Чехии, а Татьяна ухаживает за парализованной бабкой, с грустью подумала Ульяна. Ну ничего, Маринке она пошлет снимки по электронной почте, а с Татьяной встретится в кафе, угостит ее кофе со сливками и пирожными. Надо же отвлечь подругу от мрачных мыслей.

Когда они сошли на берег, экскурсовод бойко провела их по основным достопримечательностям Генуи. Они осмотрели старинные дворцы и церкви – дворец Сан Джорджио на площади Карикаменто, дворец Мелограно на Пьяцца Кампетто, кафедральный собор Сан Лоренцо, Палаццо Дукале и церковь Джесус.

Генуя была городом света и тени, резкий переход от светлых, залитых солнцем площадей к темным улицам – узким, наполненным прохладным полумраком, поражал контрастом. Город карабкался на скалы, на улицу выходили лифты, которые поднимали людей вверх. Здесь царил дух древности, печали и покоя. Вечная соперница Венеции когда-то выиграла у нее пальму первенства, но теперь Генуя находилась вдали от основных туристических троп.

А потом у них появилось свободное время, и Ульяна по-

тянула Дмитрия в сторону старого города, но он схватил ее за локоть и потащил за собой, ничего не объясняя.

– Куда мы?

– Все – потом. Не задавай лишних вопросов. Я тебя умоляю.

Они едва не бежали, впереди шла нестройная кучка туристов, среди них Ульяна, к своему удивлению, опять увидела того самого мужчину, за которым Дмитрий, казалось, наблюдал уже не в первый раз.

– Дим! – устало сказала она. – Ты не мог бы мне объяснить: почему...

– Быстрее! – подстегнул ее жених, и они рванули почти со спринтерской скоростью.

– Так мы ничего не увидим... – посетовала Ульяна. – Мне кажется, что старые города в таком темпе не осматривают, это напрасная трата времени.

От того, что она бежала – из нее в бодром темпе выдавливалось: «го-ро-да-не-ос-мат-ри-ва-ют».

Дмитрий вдруг неожиданно резко потянул ее за руку и втащил в какой-то магазин.

– Тише! – прошипел он.

Это был магазин сувениров, но, похоже, Дмитрия подарки не интересовали. Он подошел к витрине и уставился на улицу. Проследив за его взглядом, Ульяна увидела в магазине на противоположной стороне улицы все тех же мужчину с блондинкой. Они делали покупки.

– Дим... – начала Ульяна, но он сердито посмотрел на нее.
– Все – потом.

Когда мужчина со своей спутницей вышли на улицу, Дмитрий потянул ее за руку, и они снова понеслись галопом по гонуэским улицам.

На площади Дмитрий встал неподалеку от преследуемых и сделал вид, что его интересуют сувениры. Хлынувшие туристы на какое-то время закрыли мужчину с его спутницей. Когда же туристы рассосались, Дмитрий напрасно вертел головой: его «подопечные» исчезли.

Спустя десять минут они сидели в кафе и ели пиццу, и Дмитрий сердито объяснил Ульяне, что у него «редакционное задание». Мол, этот мужик связан с наркотрафиком, и его, как журналиста, попросили «попасти его». Задание секретное, и распространяться о нем он не имеет права.

Ульяна, уткнувшись в пиццу, делала вид, что поверила. Хотя ей казалось, что здесь что-то не так. Но по Димкиному виду она поняла, что к нему с расспросами лучше не подступать.

Вернувшись на лайнер, Ульяна почувствовала усталость и осталась в каюте.

Дмитрий какое-то время был с ней, но потом сказал, что хочет выйти и подышать свежим воздухом.

– Иди! – бросила она.

Оставшись одна, Ульяна подумала, что отдых, о котором

она мечтала, превращается в нечто скучное и непонятное из-за странного поведения Дмитрия. «Не может он обойтись без своих «редакционных заданий», – злилась она, – ну и ехал бы один. При чем здесь я?»

Лежать в каюте ей надоело, и Ульяна решила найти Димку. На палубе его не оказалось, она спустилась вниз, дошла до конца коридора и повернула обратно. Дверь рубки капитана была приоткрыта, оттуда слышался женский голос. Говорили, кажется, на итальянском языке. Раздался игривый смешок. Наверное, какая-то не в меру ретивая пассажирка решила заглянуть к капитану и разговорилась с ним. Но это не ее, Ульяны, дело...

Она дошла до конца коридора и обернулась. К ее удивлению, из рубки капитана вышла та самая блондинка, спутница мужчины, за которым следил Дмитрий. Ульяна быстро отвернулась, чтобы блондинка не заметила, что она за ней наблюдает.

Ульяна поднялась на палубу, кругом царило непринужденное веселье, слышались громкие голоса.

Она спустилась в каюту, но долго там находиться не смогла и снова вышла на палубу.

На мостике стоял капитан, веселый, улыбающийся. Наверное, на него так благотворно подействовало общение с блондинкой, отметила Ульяна. Все-таки итальянец, темпераментный мужчина. «Мачо, – с иронией подумала она. – Но девица-то какова, крутит с двумя мужиками. Приехала с од-

ним и не стесняется откровенно флиртовать с другим».

Тем временем капитан решил подойти ближе к берегу, чтобы поприветствовать своих друзей...

Он стоял, чуть расставив ноги, и самолично отдавал приказы рулевому, было видно, что он в хорошем настроении. Но тот выполнял приказы с замедленной реакцией, что бросалось в глаза.

Корабль шел прямым ходом к острову...

Справа и слева выросли небольшие рифы.

Нехорошее предчувствие кольнуло Ульяну. Она увидела верхушку скалы, выступающую перед кораблем, и в ту же минуту сильный удар сотряс лайнер. Над водой разнеслись аварийные сигналы. Корабль накренился, но спустя минуту выправился.

Ульяне показалось, что все выдохнули с облегчением, увидев, что опасность миновала. Корабль теперь держал курс в море. Неожиданно он стал крениться на другой борт, и судно понесло обратно к острову. Ульяна стояла, оцепенев, не в силах двигаться. Раздался толчок, она дернулась вперед и чуть не упала. «Астория» села на мель.

Кто-то рванул Ульяну за руку, и она очнулась. Толпа бежала в каюты.

Когда она очутилась в коридоре – погас свет, пришлось включить мобильный, люди вокруг чертыхались и ломались вперед.

Ульяна распахнула дверь каюты. Было темно, Дмитрий осветил мобильным ей в глаза, и она вскинула руку, заслоняясь от света.

– Что-то случилось? Я уже хотел бежать к тебе...

Она не успела ничего ответить, по громкой связи объявили:

«Из-за отказа электрической системы свет временно отключен. Наши техники работают над устранением проблемы. Ситуация под контролем. Сохраняйте спокойствие. Не волнуйтесь и не паникуйте».

– Похоже, это авария, – коротко бросила Ульяна, садясь рядом с Дмитрием. – Мы сели на мель.

– Повезло, – сказал Димка, захлопывая ноутбук. – Разрекламированное чудо техники, и на тебе. Прямо «Титаник-2».

– Не говори так, – передернула плечами Ульяна. Ей стало холодно, и она обхватила себя руками, пытаясь согреться. Вместо того чтобы утешать ее, Дмитрий нагоняет панику... – Интересно, скоро все закончится?

– Что именно? – осведомился Дмитрий. – Наше пребывание на корабле или что-то другое?

Ульяна пересела на свою койку. Глупая ситуация: сидеть в темноте и ждать непонятно чего. Как бы не случилось серьезной аварии – тогда вообще непонятно, что будет с ними со всеми...

Дмитрий нажимал на кнопки сотового, пытаясь установить с кем-то связь.

По радиации раздался голос капитана: *«Корабль не затонет, я скину якорь, потребуется буксир. Дамы и господа, у нас небольшие проблемы с генератором питания, оставайтесь на своих местах, все под контролем»*. Затем в динамиках раздался женский голос: *«Мы скоро починим электрогенератор. Все будет в порядке. Я прошу вас вернуться в свои каюты»*...

Ульяна перевела Дмитрию спич капитана.

– Мы и сидим в каютах, к чему нас призывают-то? Кстати, наверное, лучше выйти на палубу и посмотреть, в чем там дело. А то мы сидим здесь как кролики, – мрачно сказал ее жених.

Они замолчали, Димка то открывал ноутбук, то хватался за сотовый.

– Все работаешь? – пыталась подколоть его Ульяна.

Он бросил на нее раздраженный взгляд, и она опять замолкла. Сидеть в темноте было не очень-то уютно. Похоже, починка корабля затянулась... В голову лезли тревожные мысли. Почему-то в памяти возник любимый фильм «Титаник»... Но она сразу одернула себя: они, слава богу, не в ледяном Атлантическом океане, да и берег близко... А Димка мог бы найти какие-нибудь слова утешения. А то сидит, уткнувшись в свои гаджеты с мрачным видом, и на нее не обращает никакого внимания. Нет, все-таки они очень раз-

ные люди.

– Ты спишь? – не поднимая головы, спросил он.

– С открытыми глазами.

– Я бы на твоём месте попробовал соснуть. А то обстановка нервирует. Глядишь, пока дрыхнешь, все отремонтируют. Проснешься, а мы плывем...

Снаружи раздались крики, и Дмитрий выдохнул:

– Кажется, все намного серьезней, чем нас пытается уверить капитан-кретин.

– Дим! Давай выйдем на палубу, – предложила Ульяна.

– Ладно, пошли, – буркнул он, захватив с собой комп.

Ульяна кинула свои вещи в большую сумку.

Дальнейшее напоминало сон... Некоторые пассажиры надели спасательные жилеты и стояли на сборных пунктах. Ульяна и Дмитрий искали взглядом капитана, но его не было. Краем сознания Ульяна отметила, что нигде не видно и мужчины, за которым следил Дмитрий, нет и его спутницы-блондинки. Интересно, куда они подевались, задавала себе вопрос Ульяна. Сидят в каюте? Ждут, что ситуация разрешится сама собой? Или они решили вообще не обращать внимания на аварию? Она для них вроде мелкой поломки автомобиля, которую непременно отремонтируют спешно вызванные механики?

– Может быть, нам тоже надеть спасательные жилеты? – предложила Ульяна.

Но Димка ничего не ответил.

– Ты хорошо плаваешь?

– Не-пло-хо, – отчеканила Ульяна.

Паника усиливалась. Стюарды-азиаты, одетые в жилеты, пробежали мимо них и спешно, отпихнув женщин и детей, плюхнулись в спасательные шлюпки. Ульяна истерично рас- смеялась.

Корабль накренило в другую сторону, и она уцепилась за рукав Дмитрия...

– Давай, садимся в шлюпки. А то время идет...

Вокруг раздавались крики, ругательства на разных язы- ках, чей-то надрывный смех, детский плач. Хотелось зажать уши из-за этой какофонии.

Когда Ульяна и Дмитрий сели в шлюпку, корабль сильно накренился, и шлюпки уперлись в его корпус. Спустить их уже не было никакой возможности. Ульяна взяла Димку за руку. Из шлюпки было видно, как пассажиры не могут стоять на палубе, а садятся и скатываются по ней, а в лодки спуска- ются по веревочной лестнице.

...Они причалили к берегу, и шлюпка тут же отошла об- ратно к кораблю, за другими пассажирами. Ульяна стояла и смотрела на судно, она слышала крики, доносившиеся с мо- ря, видела огни, кто-то прыгал в воду, надеясь только на соб- ственные силы...

Над «Асторией» кружились вертолеты...

И она, не выдержав, заплакала, уткнувшись лицом в грудь Дмитрия.

– Ты что, старушка, – прокричал он, поднимая руки к небу, как некий языческий бог. – Мы живы, и это главное...

Глава 3

Исчезновение в Риме

Ты думаешь, что видел самое ужасное в своей жизни, то самое, что объединяет все твои кошмарные сны в невероятный ужас, существующий наяву, и утешение тебе только одно – хуже уже ничего быть не может. А если и может, то разум не выдержит, и ты этого не узнаешь. Но худшее происходит, и разум выдерживает, и ты продолжаешь жить. Ты понимаешь, что вся радость ушла из твоей жизни, что содеянное тобой лишило тебя всех надежд, что тебе лучше было бы умереть... но ты продолжаешь жить. Понимаешь, что в аду, сотворенном собственными руками, но все же живешь и живешь. Потому что другого не дано.

Стивен Кинг. «1922 год»

Через три месяца

Запах кофе был соблазнительным. Хотя они недавно позавтракали, Ульяна подумала, что нужно непременно зайти в кафе и выпить чашечку капучино. Прогулка по Риму расслабила и утомила их. Вопреки ее книжному представлению, сложившемуся еще до поездки в Рим, он был не огромным

городом, а величественным и вместе с тем небольшим. И напоминал древнюю раковину, в которую была впечатана другая – поменьше, а в нее – еще одна.

Про плаванье на «Астории» они дружно старались не вспоминать. Когда они вернулись в Москву, Ульяна еще целый месяц приходила в себя. Сны ей снились беспокойные, она часто просыпалась ночью и смотрела в потолок. Ей почему-то казалось, что по потолку идут волны, течет вода, и слышался плеск волн... Она вставала и шла на кухню, выпивала стакан горячего чая. Потом куталась в белую шаль, оставшуюся от бабушки, и смотрела в окно пустым невидящим взглядом. За окном звенела-шелестела береза. Была весна, и небо зияло чернотой как-то по-особенному тревожно. Руки стремительно холодели, и пересыхало в горле. Она наливала еще чаю. Несколько раз пила водку. Не помогало...

Сна не было ни в одном глазу, и Ульяна с тоской думала, что придется идти на работу невыспавшейся. Она ложилась почти под утро. А потом вскакивала по будильнику. Голова наливалась свинцом, но, как ни странно, это не мешало ей соображать, заключать контракты и выполнять свою работу.

Эти «ночные посиделки», как она их называла, повторялись довольно часто. Один раз Дмитрий застал ее сидящей на стуле, подошел ближе и тронул за плечо:

– Ты чего? Не спишься?

Она встрепенулась и поплотнее закуталась в шаль.

– Вспоминаю, – угрюмо сказала Ульяна.

Ей хотелось, чтобы Димка подошел к ней, обнял, утешил. Но вместо этого он сердито мотнул головой и сухо бросил:

– Иди спать! Завтра будешь носом клевать на работе. А что касается той прогулочки... Лучше этим вообще голову не забивать. Я так и делаю и тебе того же желаю.

– Я не забиваю, само в памяти всплывает, как бы невзначай, – тихо сказала Ульяна. – И еще сны, как повторение, снятся...

Дмитрий хотел что-то сказать, но, махнув рукой, пошел спать.

Когда Дмитрий снова предложил ей поехать в Италию, она не поверила своим ушам.

– Ты что?! Опять?!

– Это не круиз, – парировал Дмитрий. – А спокойный расслабляющий отдых в Риме. Ты в Колизее была? Нет. Вот видишь, а ведь там должен побывать каждый уважающий себя человек.

– Пусть я буду себя не уважать, – ответила Ульяна, – но больше в Италию я ни ногой.

– Ну что ты, Уля! – начал подлизываться Дмитрий. Когда он хотел, умел быть лапочкой. – Съездим, отдохнем, посидим в римских кафешках. Посмотрим кучу всего интересного. – С этими словами он взял и развернул карту Рима, испещренную кружочками. – Смотри, сколько исторических мест нам надо посетить. Ты же любишь узнавать все новое... А та катастрофа – уже прошлое, нельзя же все время думать

о ней.

И Ульяна сдалась, наступал май, праздники, и поехать в Рим было очень даже соблазнительно. В конце концов Димка прав: нельзя же теперь все время шарахаться из-за той катастрофы. Слава богу, что все позади...

Они приехали вчера, а уже сегодня Димка, вооружившись картой, потащил ее в исторический центр города.

Сначала был Колизей, который должен посмотреть «каждый уважающий себя человек». Потом Палатин и Форум.

Солнце припекало все сильнее, как будто на дворе был не май месяц, а изнурительно жаркий август, не спасала ни бутылка холодной воды, ни большая шляпа, которую Ульяна купила у негра, торговавшего сувенирами у Колизея.

– Дим, а Дим! – время от времени спрашивала она, когда они обходили Форум. – Мы все посмотрели или нет?

Ее жених тотчас сверялся с картой и обводил карандашом места, которые они уже посетили. Когда Ульяна смотрела на карту, ей казалось, чтобы заполнить ее кружочками и галочками, нужно приехать в Рим не на неделю, а на месяц, еще лучше – на два.

– Дом Тиберия Августа, – чеканил Дмитрий. – И Каза Ливии. Мы сейчас идем направо, а потом – налево. И здесь упрямся в дом Тиберия Августа.

На большой территории были разбросаны колонны, арки, камни. Местами участки были отгорожены, местами колонны лежали прямо на земле, и от этого создавалось впечат-

ление, что эта старина не музейная, под пыльным стеклом, а живая, настоящая. Когда-то здесь жили люди, а теперь по этой земле ходят другие, но земля осталась та же, и тот же потрясающий запах сосен, нагретых на солнце, камней, пыли... особый запах древности.

Они зашли на прямоугольную площадку – дворик весталок. Скульптуры античных дев шли стройными рядами. А посередине зеленого ковра был прямоугольник – бассейн, в котором весталки совершали омовения. Ульяна на секунду закрыла глаза – видение было таким живым – девушки идут к бассейну, переговариваясь друг с другом, скидывают одежды и погружаются в воду...

– Дим, а Дим, – тихонько позвала она. – Как же здесь здорово...

После марш-броска на Палатин и Форум Ульяна ощущала себя римским легионером, прошедшим значительный путь в песках. Она с удовольствием бы отдохнула, сидя на террасе кафе или на лавочке в парке. Но глядя на Дмитрия, решительно отмечавшего места на карте, Ульяна подумала, что отдохнуть ей сегодня, после пятичасового обхода древностей, не придется.

– Устала? – мельком бросил на нее взгляд Дмитрий.

– Немножко. – Признаваться в том, что ноги гудят, не хотелось. – Давай зайдем в какое-нибудь кафе. Выпьем кофе, посидим немного, сделаем передышку.

– По плану мы еще должны пройти к острову Тиберина,

посмотреть фонтан Треви, Трастевере и, если успеем, виллу Боргезе и Пантеон.

Смотри, какое интересное кафе. Давай зайдем сюда. Это... кажется... – он сверился с картой, – знаменитое кафе «Греко». Здесь бывали Гоголь, Стендаль, Гете, Байрон, Тютчев, Шаляпин, Гюго. Существует легенда, что за столиком этого кафе Гоголь написал большую часть «Мертвых душ». Словом, здесь был целый букет знаменитостей, это грандиозно. Нужно накатать об этом колонку в «Гласе». Читатели будут рады. – Он обнял Ульяну за плечи и подтолкнул к двери. – Ну входи же.

А ее охватило странное предчувствие – непонятно чего. Она помедлила на пороге, а потом смело шагнула в кафе. Внутри все навевало на мысль о другой эпохе – светских дамах, пышных платьях, каретах. Стены были обтянуты красной тканью, на них висели пейзажи и портреты знаменитостей, посещавших кафе. Диванчики с волнистыми линиями, круглые столики – все располагало к отдыху и неспешной беседе. Как в старину.

Они сели за изящный столик и заказали капучино, который оказался необыкновенно вкусным, с легкой терпкой горчинкой.

Ульяна подумала, что нужно попытаться уговорить Димку просто пройтись по городу, не думать ни об этих галочках на карте, ни о выполненных пунктах «программы». А просто идти и смотреть на здания, на людей, на кусты роз, которые

росли в самых неожиданных местах. Ульяна подавила вздох и подумала, что он вряд ли ее поймет.

Внезапно Дмитрий переменялся в лице, и Ульяна проследила за его взглядом. Наискосок от них за столом сидела девушка и пила кофе, глядя на экран своего мобильного. Внезапно она подняла голову и встретилась глазами с Димкой. Тот как замороженный не сводил с нее глаз. А Ульяна уставилась на стены, чтобы не смотреть на них.

Спустя некоторое время Ульяна перевела взгляд на Дмитрия. Он по-прежнему не сводил с девицы глаз. Это уже становилось *неприличным*.

– Дим! – повысив голос, сказала Ульяна. – Ты хотел на остров Тиберину. Кофе мы выпили, расплатись с официантом, и пойдем дальше – выполнять программу. А то мы здесь сидим и теряем время.

– Да-да, – буркнул Дмитрий. И снова – взгляд, устремленный на девицу. Как муха, прилипшая к тазу варенья, мелькнуло в голове у Ульяны.

Она внимательно посмотрела на девушку.

Брюнетка с кудрявыми волосами. Лицо симпатичное, но не более того, а еще в девице было что-то хищное. Ее лицо почему-то показалось ей смутно знакомым. Уже глюки и мерещится черт-те что, подумала Ульяна.

– Дим! – шепотом сказала она. – Ты что уставился на эту девицу? И вообще ты ведешь себя как-то странно. Не находишь?

Будущий муж посмотрел на нее остекленевшим взглядом. Неужели вот так и влюбляются с первого взгляда, с ужасом подумала Ульяна. Стекленеют, застывают, столбенеют на месте. Был человек, и нет человека.

Ульяне показалось, что Димка не слышит ее, а витает в облаках с этой самой девицей. Они уже унеслись подальше от Ульяны, и от этого кафе, и обтянутых красной тканью стен, и от укоризненной тени Гоголя. Наверное, Гоголь, будучи скрытым женоненавистником и аскетом, не одобрил бы такое поведение ее нудного, но до сих пор преданного мужчины. Или она его совсем не знает?

Девица тоже смотрела на Дмитрия не отрываясь. Господи, что она могла найти в нем? Рост сто семьдесят один, сложение неспортивное, зануда, скупой рыцарь, во сне храпит, сворачивается калачиком и все время норовит спихнуть ее с кровати.

Иногда Димка сильно раздражал Ульяну. Когда она поделилась своими мыслями с Татьяной, та устало вздохнула: «Дура ты, Уля! Мужик есть? Есть. Не пьет, не бьет, деньги какие-никакие приносит. По вечерам тебя ждет? Ждет. А знаешь, что такое пустая квартира? Нет. Приходишь в пустой дом и хоть с тоски вой. Некуда деться. И ничего не радует. Те, у кого семейное счастье есть, обычно не ценят его и не понимают мужчин, которые находятся рядом».

– Он слишком самовлюблен и считается только с собой. Я для него – пустое место и ничего не значу, – грустно сказала

Ульяна. – Я зарабатываю больше, а вынуждена считаться с его мнением по поводу расходов. Я даже не могу купить себе машину, так как это заденет его самолюбие. А собственную он купить пока не может. Ему платят сущие гроши и все время кормят баснями, что завтра повысят и переведут на другую должность. К тому же Димке еще приходится пересылать деньги своей родне в Рязань. И он хочет хорошую дорогую машину, а не абы что. Средний вариант его не устроит. А я виновата в этом раскладе и хожу пешком. Хотя в моей конторе все на собственных тачках ездят.

Временами Ульяну грызли сомнения. Неужели вся жизнь – тягостное размеренное существование, когда все подсчитано, распланировано и обозначено заранее. Все ложится четко на свое определенное место, как бильярдный шар в лузу. И нет никакой спонтанности, легкости, импровизации на ходу, как это было у родителей. Мать любила рассказывать, как однажды они с отцом внезапно решили поехать в Крым. У них был отпуск, но они проводили его в Москве и никуда ехать не собирались. Они гуляли по Никитскому бульвару после недолгого июньского дождя. Неожиданно сквозь тучи прорезалось солнце и так красиво зажгло капли дождя, висевшие на ветках деревьев словно прозрачные крупные виноградины, заколосило золотистой рябью огромную лужу посередине бульвара, что они вдруг почувствовали запах большой воды и тоску по ней. Они расхохотались и через день уже ехали в поезде в Крым, достав какими-то немис-

лимо сложными путями билеты. А потом была малюсенькая комнатенка, снятая у бабки-татарки, вино, пахнувшее земляникой, море в белой кружевной пене... И все было решительно-быстрым, стремительным...

Девушка, сидевшая за столиком в углу, плотоядно улыбнулась.

И Димка как под гипнозом встал и направился к ней.

Ульяна подумала, что должна немедленно на это отреагировать, вот только как – она не знала. То ли устроить скандал, то ли подойти к Димке как ни в чем не бывало и, взяв его под руку, увести из кафе. Что-то нужно делать. И немедленно.

Она поднялась со стула, но вместо того, чтобы закатить скандал или подойти к брюнетке, прошла к стойке бара и сделала вид, что рассматривает на витрине пирожные. Она вспомнила, как учила ее мать. Если ты хочешь что-то сделать – сосчитай до пятидесяти или отойди в сторону. Тогда ты успокоишься, совершать поступки на горячую голову – себе дороже. Ты будешь выглядеть некрасиво в глазах других и позже об этом сильно пожалеешь.

Пирожные выглядели аппетитно. Она заказала парочку и уже с холодной головой собралась вернуться к своему столику, как неожиданно обнаружила, что жених исчез. С той самой девушкой. Она задержала дыхание и закрыла глаза. Ей почему-то казалось, что так она отгонит неприятное видение: а когда откроет глаза, то увидит, что все на своих ме-

стах: Дима ждет ее за столиком, а девицы – нет.

Но ни ее жениха, ни брюнетки не было. Они исчезли, испарились.

Ульяна без сил опустилась на стул.

– Ваш заказ?

Она совсем забыла, что заказывала еще капучино.

– Сэнкью, – прошептала она побелевшими губами. – Сэнкью вери мач.

Дело приняло совсем неожиданный оборот, не предусмотренный никакой программой. Неужели она стала свидетельницей любви с первого взгляда, и ей, Ульяне, дали окончательную и бесповоротную отставку?

Дмитрий Дронов, ее жених, несколько минут назад удрал с неизвестной девицей, влюбившись в нее с первого взгляда. Так бывает только в дешевых дамских романах. И тем не менее – это случилось. Ульяна почувствовала, как заныл зуб. И что ей теперь делать? Ждать, когда он вернется? Он ушел и наплевал на карту Рима в галочках и кружочках. Или он ставит галочки и кружочки уже вместе с этой наглой незнакомкой. И ведет ее на Тиберину. Воспоминание о Тиберине вывело ее из оцепенения. Теперь было ясно, что делать, нужно найти этот остров и застукать парочку там. И устроить, наконец, грандиозный скандал.

Заплатив за пирожные и залпом выпив принесенный кофе, она спешно покинула кафе. На улице Ульяна невольно прищурилась от солнца и вспомнила, что темные очки оста-

лись у Димки. Она сунула ему их перед тем, как они зашли в кафе: в его рюкзаке было свободное место. Ульяна шла по улице, сощурившись, и думала, что если бы она не захотела кофе, они бы не зашли в кафе и ничего бы не произошло. Теперь ей все казалось диким нагромождением случайных обстоятельств, которые она сама и спровоцировала. Это же надо так специально испортить себе долгожданный отдых. Она сто лет нигде не была. Плавание на лайнере – не в счет. Раньше было некогда, болел отец, потом – мама. А когда она осталась одна – было как-то странно и дико ехать на отдых в одиночестве. А теперь, когда есть с кем, она взяла и все испортила. Собственными руками. Как-то некстати вспомнились слова Татьяны: «Держись за парня обеими руками. Он человек надежный, как столп».

А столп на деле оказался трухлявым пеньком. Или это Ульяна оказалась недостаточно красивой для своего жениха, раз он втрескался в случайную девицу. Хотя она раньше на эту тему не задумывалась: красива она или нет. Мать всегда говорила ей, что нужно прежде всего иметь чувство собственного достоинства и характер, тогда в жизни не пропадешь. По салонам она не ходила, косметикой практически не пользовалась. Дмитрий однажды сказал, что у нее «свежий вид». И этот вид, похоже, перестал ему нравиться. И в сексе у них все было спокойно и размеренно. Может быть, слишком спокойно, как... у супругов с многолетним стажем. Да еще его вид во сне калачиком не располагал к бешеной страсти.

Наверное, она все-таки виновата: успокоилась и решила, что он никуда не денется, поэтому их отношения подернулись рутиной, как болотце ряской. А нахальная аппетитная девица с крутыми бедрами, так и выпиравшими из белых брюк, сразу поразила воображение ее жениха. Он встал и пошел к ней, как бычок на красную тряпку, и пропал... С концами...

Ульяна спросила, где находится остров Тиберина, и пошла в том направлении.

Размеренная жизнь с Дмитрием, которая еще совсем недавно казалась ей скучной и неинтересной, вдруг представала в новом свете. Димка из зануды и нытика превратился в талантливого молодого человека с большим будущим. Журналиста, перед которым открываются двери лучших отелей мира и самых закрытых пафосных тусовок. К тому же Дмитрий недавно стал намекать, что у него есть новый проект, и их жизнь скоро изменится как по мановению волшебной палочки. Тогда она не придала значения его словам, и очевидно – зря. Сейчас на острове Тиберина поставлен красный кружочек. Без Ульяны. А на ее совместной жизни с Дмитрием поставлен жирный крест. От этой мысли у нее подкосились ноги, и она почувствовала слабость. Сойдя с дороги, Ульяна опустилась прямо на газонную траву. На нее никто не обратил внимания, она провела рукой по лбу и глубоко вздохнула.

– Вот тебе и Рим! – с тоской произнесла она вслух.

От Тибра повеяло свежим вечерним ветерком, Ульяна ре-

шительно поднялась на ноги. За свое счастье нужно бороться, говорила ее мама. До конца.

Остров Тиберина своими очертаниями напоминал корабль. Он был совсем маленьким, и его можно было легко обойти за несколько минут. Интересно, где они скрылись? Может, стоят вот за той церковью и целуются?

Ульяна торопливо обошла церковь – никого. Где же они? Вода была зеленая и мутная как бутылочное стекло. Справа извергался небольшой водопад. Где же они могли спрятаться? В кафе сидели парочки – молодые, смешливые, и еще туристы – важные, с прямыми спинами. Туристов можно узнать сразу в любой толпе. На их лицах застыло выражение озабоченности и серьезности. Это и в самом деле нелегко – везде поспеть, отметиться, запечатлеть достопримечательности и разослать в социальных сетях. На зависть другим. А если не разошлешь фотки – вроде и не был нигде. Только лайки пощекочут самолюбие и поднимут тебя в собственных глазах.

Она вдруг поняла, что хочет есть, проснулся прямо-таки волчий аппетит, который следовало немедленно утолить. Свободный столик в кафе находился почти у самого водопада. Ульяна плюхнулась на него, с наслаждением вытянула затекшие от ходьбы ноги и подумала, что римским легионерам приходилось не сладко. В меню были спагетти и ризотто. Она заказала пасту карбонара, расхожее блюдо, кото-

рое делают чуть ли не в каждом московском кафе. Макароны были именно такими, о каких она мечтала – почти горячими, с растопленным сыром и тоненько настроганной ветчиной. Наматывая на вилку спагетти, Ульяна с мрачным удовлетворением подумала, что она никогда в жизни не попала в столь дурацкое положение. Жених исчез в неизвестном направлении, и, похоже, все ее жизненные планы потерпели жесточайший крах. Не будет ни свадьбы, ни совместных воскресных походов в магазин, ни прогулок с детьми в московских парках. Ни-че-го. Но эта мысль еще не до конца дошла до сознания Ульяны, ей казалось, что все это минутное помрачение, которое скоро пройдет. «Вопрос лишь в том, – с черным юмором подумала она, – как «скоро».

А если Дмитрий уже ждет ее в номере отеля со своей вечной иронической усмешкой? Димке казалось, что именно так и должен выглядеть прожженный популярный журналист: устало-ироничным, с усмешкой все повидавшего и все познавшего человека. Еще он в последнее время повадился носить шарфик в темно-зеленую клетку и надевать очки в черепаховой оправе. Шарфик ему привезла в подарок Леночка Бегунова-Бодуэн из Лондона, куда она с французским мужем ездила на уикэнд. Дмитрий считал, что в этом шарфике он выглядит по-европейски импозантно. А очки в толстой оправе – вообще верх шика. Ульяна же звонко расхохоталась, когда он нацепил эти окуляры первый раз.

– Ты чего? – с легкой обидой спросил Димка.

– Ты похож на старомодного профессора.

– Это плохо?

– Это ужасно, тебе же не сто пятнадцать лет.

– Почему сто пятнадцать? – спросил немного обалдевший Дмитрий.

– Ну, девяносто пять. Тебя такая цифра устраивает?

– Значит, не понравилось, – подытожил ее жених. – А вот в журнале «Ваш стиль» написано, что такие очки придают значительность и уверенность в собственных силах. С таким человеком сразу хочется иметь дело.

– Это тоже в «Вашем стиле» написано? Любит ваш брат журналист морочить голову простому народу.

– То, что ты называешь «народом», зачастую просто серая необразованная масса. – В голосе Димки слышались нотки раздражения.

Он хотел, чтобы она его похвалила, сказала, что выглядит он замечательно и вообще он – клевый парень и отличный журналист. Ульяна его, конечно, мало хвалила, любила резать правду-матку в глаза, вот он и решил избавиться от нее при первом удобном случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.